

Андрей
Воронов-Оренбургский

СТАЛИНГРАД

ТОМ 2

ЗДЕСЬ ПТИЦЫ НЕ ПОЮТ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

18+

Андрей Воронов-Оренбургский

Сталинград. Том второй.

Здесь птицы не поют

«Автор»

2019

Воронов-Оренбургский А.

Сталинград. Том второй. Здесь птицы не поют / А. Воронов-Оренбургский — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-05077-8

"Сталинград. За Волгой земли нет!" - роман-сага о чудовищной, грандиозной по масштабу и человеческим жертвам Сталинградской битве, равной которой не было за всю историю человечества. Автор сумел прочувствовать и описать весь ужас этой беспримерной кровавой бойни и непостижимый героизм советских солдат... Как это возможно? Не укладывается в голове. Но ощущение полное - он сам был в этом аду!.. Он сам был участником СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ... Книга получилась честной и страшной. Это суровый, как сама война, роман, возможно, лучший со времен "ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ" М. Шолохова. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-05077-8

© Воронов-Оренбургский А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Воронов-Оренбургский

Сталинград. Том второй.

Здесь птицы не поют

Глава 1

...Приглушённый хруст снега за бруствером нарушил тягостное затишье, натянул жилы Воронова и Танкаева; указательные пальцы приросли к спусковым крючкам. И на тебе!..В пере-
дах раздался глухой, напряжённый, как струна, голос капитана Ледвига, показавшийся им в
эту минуту родным.

– Свои. Комбат! Не стреляй!

А через пару минут в зев окопа, грязно – серыми комьями слетели один за другим
молодцы Ледвига; обессилено, но радостно они припадали горячими, потными спинами к
холодным, но желанным стенкам окопа, чувствуя наконец безопасность.

Офицеры крепко обнялись и комбат Воронов, ещё не вполне веря своим глазам, их бла-
гополучному возвращению, в сердцах прохрипел в ухо начразведки:

– Ну я вам, козыри дивные!..Ну, голуби сизокрылые! Где ж вас, паразитов, носило? Все
нервы, как есть...на кулак намотал из-за вас, разведка!

– Виноват, товарищ командир батальона! – сбивая рукавицей талые ошмётки снега с
груди и колен, отрывисто усмехнулся Ледвиг. – Да только мы тоже в кулак не свистели! Под
прицелом у гансов не разбежишься...На снайперов напоролись, туда их в качель...

– Все целы? – лицо Воронова напряглось.

– А худо ли, ежели хорошо! – капитан заткнул рукавицы за ремень. – Так точно. Все
живы, товарищ майор.

– И это главное. – Арсений окинул беспокойным взглядом разведчиков. – Молодцы,
черти! Годиться, так держать.

– Как Танкаев? Жив капитан? – взор Ледвига заострился.

– Да во-он же он перевязанный, не видишь, разве? Живее нас с тобой, Николай. Жили-
стый мужик. Воин. Вытянет.

Комбат порывисто бросил взгляд в белёсую пустоту, из которой, как призраки, вернулись
разведчики. Осторожно выставил над бруствером край каски, ощущая височной костью сырое
пространство захваченной высоты с размытыми неосвещёнными руинами бывших построек;
припорошенных пеплом воронок, в которых, как невидимые живые точки, могли таиться вра-
жеские снайперы, недобитые фрицы. Его усталые глаза туманил тугой речной ветер, наполнен-
ный кристалликами льда, наждачной пылью развалин, металлической пудрой измельченных
осколков. Пологая ширь плацдарма, пустая. Подозрительно тихая, спускаясь к большаку, про-
падала вдали...Схваченная влажистым снегом земля, была покрыта серыми вмятинами, бес-
форменными вывороченными глыбами бетонных плит – перекрытий, от которых на снег ложи-
лись слабые грязно-сиреневые тени. За бруствером, совсем рядом лежали убитые немцы. Их,
спасавшихся бегством. Настигли колючие пульсирующие очереди ППШ капитана Танкаева.

– Что фрицы? Много медноголовых?

– Да их там, как говна за баней, Арсений Иванович... – глухо прозвучал ответ.

Закурили. И Ледвиг, давясь табачным дымом, мрачно процедил:

– Вот и получается, комбат, как в той басне: на дерево забраться полдела, да вот спу-
ститься...

– Н-да... Хрен редьки не слаще. Думаешь, будет контратака? – Воронов в упор посмотрел в смелые глаза разведчика.

А тут и думать нечего. Вопрос когда? Даже не сомневайтесь, товарищ майор. Там, за Шиловским «пяточком», за дорогой... Мы отчётливо слышали тяжёлый гул моторов... Туман, ни черта не видно. Но, похоже, танки, туда их в дуло... Бронетехника. Не трактора же, честное слово. – Да надо думать... – давя каблуком окурков, зло чертыхнулся комбат. Катнул чугунные желваки под обветренной бурой кожей, и снова выругался. – Свалились же они паскуды на мою голову. Э-эх, развернул – раздербанил ты мне нутро, Николай.

– Да уж как есть, товарищ майор. Не накроет снарядами ганс, так один чёрт... гусеницами раздавит. Нет, Арсений Иванович, без артиллерии и резервной пехоты... не удержать нам этой проклятой высоты. От трёх батальонов чуть да маленько осталось. Комбат Дерябин убит. А...

– Отставить, капитан! – камышовая зелень глаз упёрлась в дымный горизонт, в застывших на миг зрачках дёрнулось чёрное пламя. – Ишь ты, покайся, как девица на исповеди. А ещё разведка...

– Да причём тут разведка?

– Да пр-ритом! Чёрта-с-два, ты, когда скисал из-за обстоятельств!

– Да я!.. – Ледвиг вспыхнул, как порох.

– Вот теперь узнаю полковую разведку! – майоровы глаза широко раскрылись, на твёрдой складке рта запружинила стальная улыбка. – Значит, высоту им отдать? А кто ответит за кровь наших ребят? Кто-о?! Ну, уж не-ет.. От хрена уши им, а не высота! Она нашей кровью пропитанная, родной... Слышишь, как родной стала!

– Но без поддержки.. Есть же в конце-то концов здравый смысл! Это невозможно, комбат.

– Отставить! Невозможно галифе через голову одевать! А ещё есть приказ командования фр-ронта! И с ним поперёк – не моги, сам знаешь... А ещё есть «смерш» и есть НКВД... по наши души. И это я тебе говорю, как коммунист коммунисту! – Разгорячённый комбат заглянул в лицо капитана. Оно было бледным, скованным сильнейшим злым напряжением. Но глаза, – по-прежнему сухо и дерзко блестели, а рот был каменно твёрд. – Ну, что теперь скажешь, разведка?

– А то и скажу, крепче насаживая барашковую кубанку на брови, и смело смотря в выжидающе – напряжённые глаза майора, выдохнул Ледвиг. – Боюсь, что немцы...

– А ты не бойся, Коля! – Воронов тяжеловесно шагнул к нему, ободряюще хлопнул по плечу. – Ты ж – разведка, тебе сам чёрт не брат. Не из таких передрыг выбирались.

– Да я не за себя... За людей, товарищ комбат!

– Да то поня-ятно, голубь ты мой... Ну, так... на то и война, капитан. Эх, ёжики – курносые... Ты ведь у нас, Николай Сигизмундович, тоже... Германии бравый солдат, ты ж тоже из немцев будешь?

– Никак. Нет. Глупо, товарищ майор! – Ледвиг озлобленно куснул щегольской ус. – Я советский. Русский... немецкого происхождения. Офицер РККА с тридцать восьмого. Коммунист. И вы знаете, перед партией и солдатами чист. Я позади цепей в атаку не ходил, чтобы в первых рядах назад вернуться.

– В том-то и дело, что знаю тебя – героя...

– Так зачем же так, Арсений Иванович?

– А затем, Коля – Николай, друг ты мой дорогой... Что волос у меня уже побит сединой. И я кое-что в этой жизни понюхал – это р-раз. Что б дух твой бойцовский поднять – это два. Ну и... чтоб, значит кремль и там, и там стоял, сам знаешь, где... и ордена с медалями на твоей груди звенели. – Майор по-свойски подмигнул и глухо, но внятно добавил. – Что б если драться с фашистом на этой высоте, так до конца. Ты, я и капитан Танкаев, – на фронте с первого дня войны... Вот и умрём, если что, как на фронте. Геройски, как воины... Так, нет, разведка? – Он устало обвёл глазами притихших бойцов, дружески кивнул Магомеду и подвёл черту:

– Вот «зачем», я так... капитан. Лучше погибнуть здесь... чем сдохнуть в застенке НКВД. И вот ещё что, усвой дорогой. Кха-а! – майор на горский манер цокнул зубом. – Уж не знаю когда и как, но за глотку мы фрицев возьмём. И возьмём намертво. Возьмём в их же логове. Вот это, я точно знаю! А теперь бери своих и газуй к связистам. Срочно свяжись и левым берегом, со штабом. Ваши данные, разведка, сейчас командиру Березину – во-о – как нужны!

– Но доложи ему и другое! Нам без его артиллерии и резерва – смерть.

– Ни пуха...

– К чёрту! А как же, вы, с капитаном?!

Нарастающий, скачущий конём по траншее крик, оборвал комбата.

– Санитары! Товарищ майор, санитары-ы!

* * *

– Мне что, немчура, клещи взять?! Вместе с зубами – рёбрами ваши грёбаные показания вырывать?.. Товарищ капитан! – старший сержант Воловиков, охваченный горячкой допроса, со зверской возбуждённостью обратился к мелкому, чернявому политруку, который с молчаливой сосредоточенностью наблюдал за дознанием пленных. – Разрешите продолжить! Не сомневайтесь, товарищ капитан. Я их с-сучар, кукарекать заставлю! Выведу на чистую воду...

Но начальник Хавив не реагировал. Замкнутый, весь в себе, он – как сарыч на столбе, ухватив когтями заклёванную. Но ещё трепыхавшуюся добычу, вытянул вперёд маленькую голову с пачканной кровью клювом и выжидал. Решал. Продолжить ли бить и дёргать тёплую сочную плоть... Или махнуть крыльями, сорваться со столба и с добычей к тёмному лесу. И нужен лишь пустяк: негромкий звук, щелчок взводимого курка, треск сучка, звяк стремени или резкий жест, чтобы подтолкнуть хищника к взлёту. На утренних офицерских собраниях, начштаба дивизии полковник Беляев, отдавал приказы, точно гвозди рубил топором. И в конце, оставляя актив замполитов, всякий раз потрясал воздух: «Ставка неустанно требует новых, самых последних, самых точных данных о дислокации врага. Меня не интересует, где вы и как их добудете! Хоть из-под земли! Промедление смерти подобно! А потому, товарищи командиры: любые, но достоверные, новые факты... В любое время дня и ночи – ср-рочно ко мне или комдиву!

За дельные, судьбоносные данные – награда за мной! Слово начальника штаба дивизии.

Это «слово» полковника Беляева, как острые шпоры – коня, подрезвило Хавив. Это «обещание» – давало реальный шанс, сбыться его заветной мечте: прогрызться – протиснуться любым способом в структуру всесильного НКВД, – служба, которая открыла бы ему новые горизонты и перспективы карьерного роста. Чёрт побери! Рекомендация начштаба дивизии, вовремя замолвленное словцо в Особом отделе, перед которым трепетали положительно все, от рядового до генерала, – было лучшей протекцией. Словом, игра стоила свеч, и политрук с пущей рьяностью удвоил усилия.

За время службы в 100-й дивизии (второго формирования¹), за дни и месяцы фронтовой жизни в 472-ом полку, капитан Хавив умудрился наладить немало нужных связей, но ещё больше нажил – недругов. Последний конфликт 25 октября, когда в командном блиндаже комбата воронова, собрались боевые товарищи офицеры поздравить героя – храбреца именинника Магомеда Танкаева, – пополнил чёрный список недругов замполита. Злопамятный по природной жиле, мнительный и коварный, он не прощал обид, лаская и лелея в своей еврейской душе старую восточную истину: «Месть – это блюдо, которое хорошо подавать на стол холодным».

¹ 18 сентября 1941 г. 100-я стрелковая дивизия первого формирования (в которой сражались ещё прославленные легендарные герои гражданской войны Н.А. Щорс и И.Э.Якир) была переименована в Первую Гвардейскую, а 100-я стрелковая дивизия второго формирования, (о которой идёт речь в романе) была сформирована вскоре, в феврале-июне 1942 г. в Архангельской области. Именно в эту дивизию на Воронежский фронт, в марте и был перевезён М. Т. Танкаев. Эта вновь сформированная дивизия должна была в бою доказать своё право носить славное имя 100-й дивизии.

На войне, как на войне, – каждый день, а то и час преподносит – взрывает свои «сюжеты» – успевай, крутись! Бой за господствующую высоту 178,0 не правобережье, дал свои плоды. Пленных немецких солдат было в избытке, но почти все они на беду дознавателей оказывались волонтерами – ополченцами, знания которых о дислокации регулярных войск группировки, как правило, заканчивалось своим окопом и сектором обстрела. Настоящих вояк было мало, – живыми они не сдавались, что уж говорить о кадровых офицерах!

И вот улыбка Фортуны! Удача сама шла в руки политрука – два офицера Вермахта – о таком подарке судьбы можно было только мечтать.

«Вот он твой... момент истины! И сталь плавиться, если есть сила огня... – молотил в висках и придушенно клокотал в горле внутренний голос. – Глади не оплошай! Не выпусти Синюю птицу из рук! Превзойди себя, но выбей из них секретную информацию. Это твой шанс, Борис! Это твой шанс... шанс...»

И Борис на совесть взялся за дело.

Капитану Хавив определённо нравилась рьяная, по-собачьи преданная, исполнительность бывшего штрафника Воловикова. За его ураганный напор, дикую выдумку и виртуозность в деле дознания, Борис Самуилович даже окрестил его «Моцартом». «Гена-Моцарт», с ядовито – ласковой издёвкой называл он своего подручного, и эта странная прихоть капитана, была где-то даже по нутру свирепому костолому, – беглый, но тёмный ум которого, ни сном – ни духом, не ведал – кто такой «Моцарт».

Оценивая усердие сержанта, политрук смеялся за чаем, в кулак: «Ты на допросе дьявол, а я ангел, а вместе мы, я извиняюсь, как ни крути, – гармония мира. Хм...а, ведь, и впрямь-таки, недурно звучит...»

Впрочем, «симпатию» эту, Борис Хавив держал под замком, строго следуя хитромудрым заветам отцов, убеждённо полагая, что презренных «гоев» – русских, хохлов, белорусов, равно как и других иноверцев, следует держать на расстоянии, но на коротком поводке – умело использовать во благо своего карьерного роста, в решении личных потребностей, при этом всегда имея запасной «крысиный коридор» в случае грозного, непредвиденного грядущего завтра.

– Товарищ капитан, разрешите!.. – тёмно-рябиновая полоса губ Воловикова плотноядно обнажила крепкие зубы.

Хавив благосклонно кивнул головой сержанту, упирая в стол растопыренные пальцы, покрытые кольчатой чёрной шерстью. Снова царапнул, как гвоздём по стеклу, взглядом по пленным немцам и, глядя на засаленную тетрадку, произнёс ровным, почти домашним голосом, в котором брэнчала угроза:

– Товарисч-ч Синицын, вы бы таки переводили нашим врагам, как драите свои сапоги. – И, энергично перелестнув исписанную мелким бисерком страницу, клюнул пером в склянку с чернилами:

– Моцарт, давай.

Сержант удовлетворённо хэкнул, что дровосек, приблизился к седовласому майору. Напрягая бычий загривок, и вдруг стремительно выбросил вперёд, как чугунная рельса, ногу. Ударил под рёбра, в печень, разбивая всмятку внутренние органы, брызнувшие кровавым соком. Этот страшный удар отбросил немца вместе с табуретом назад, к стене, где он и остался лежать в сумрачной тени, а хромовыми голенищами сапог в тускло-ржавом круге света, который бросала на бетонный пол подслеповатая лампочка «ильича».

Политрук что-то живо начиркал в тетради и снова аккуратно клюнул узким пером в чернильницу, точно напоил стальное жало змеиным ядом.

– Давай, давай, Гена, не будь колодой. Твой «долбляк» Моцарт... – буднично заметил Хавив. – Молчат вельзевулы, мать их ети...А мне это надо? Нам немтыри не нужны...Таких пускаем в расход. Переведи им, Синицын. Но таки данный товар, я скажу, дорого стоит... Смотри, не угробь дело! Головой ответишьч-ч, штрафбат».

– Никак нет! Не бойсь, командир, сержант зверисто ощерился и привычно, как рубщик в мясной лавке размазывает о кожаный фартук налипшую кровь, вытер клюквенно – красную слякоть с толстых, сосисками пальцев о лопухое галифе. – Момент, откачаем..

Калёно звякнув дужкой ведра, он щедро черпанул из ведра, шмякнул твёрдой струёй в лицо одного и другого. Талая вода шибанула вспышкой ледяного огня, заручьилась на пол. Сквозь стекавшую плазму воды, зашевелились распухшие, бордово-сизые губы оберлейтенанта. Заморгали остановившиеся глаза майора.

– Гы-гы! Вот и весь припев, начальник. Можно опять упырей крестить. Разрешите, товарищ капитан? – Воловиков вновь шально реготнул жеребцом и, выворачивая по-бычьи, розоватые белки глаз рявкнул:

– Гасис-сь вр-ражина! Гасис-сь, Гертруду вашу – фрау мать!.. Щас плющить вас буду! В блин раскатывать с-сук!

– Моцарт, – приказал политрук сержанту, – подними их! Хавив отложил перьевую ручку, вышиб из пачки «Беломора» папиросу, продул картонный мундштук и, дважды смяв его, прикурил. Сквозь серую вуаль дыма он наблюдал, как Воловиков схватил за шиворот лейтенанта, рывком поднял и угнездил его на табурет; затем проделал тоже с майором.

О, Небо! Как непредсказуема и как изменчива воля провидения...

Ещё вчера, ощущавшие себя властелинами мира, – хвалёные рытцари непобедимого Вермахта, нынче не радовали глаз. Избитые и запуганные, с посинелыми от верёвок, связанными за спиной руками – они имели самый жалкий, ничтожный вид. Беззащитные, уничтоженные и раздавленные побоями, во власти орущего на них мучителя, – они в полной мере, на собственной шкуре прочувствовали и осознали: мир вертится, отнюдь, не вокруг них... Кирпичный пристрой коровника не пропускал наружу ни звука. На захарканном кровью полу по-прежнему стоячилося страшное ведро с жестяным черпаком, в мерцающей воде которого равнодушно отражалась подслеповато моргавшая лампа. Чёрный пистолет на столе старшего дознавателя нацелил жадный, тёмный провал на их лица и терпеливо ждал своего часа.

И никто, решительно никто на свете: ни Бог, ни фюрер со своими железными легионами, ни мифический, легендарный Зигфрид с чудо-мечом не могли вырвать из их цепких лап этих несчастных варваров. Обречённые, страстно желая жить, страшась угроз и новых увечий, они из последних сил держались офицерской присяги, тщетно пытаясь не замарать чести мундира Великой Германии. Крепились, поглядывая друг на друга, при этом ненавидели, ожесточённо поводили глазами, горевшими среди синяков и царапин.

Всё было как в жутком сне. И во всех окружавших их мрачных предметах, в силуэтах фигур, угрюмости лиц, в дуновении неощутимых под сапогами сырых сквозняков, чувствовалась таинственная глубина бездны, на краю коей они оказались.

Пленники вспышками, раз за разом, вспомнили всё, что произошло: неистовый стук их раскалённого пулемёта MG42, летевшие жёлтыми осами гильзы, падавших штабелями красноармейцев; сводивший с ума, яростный рёв сотен глоток, бегущих в атаку, на верную смерть людей, слепящий грохот и режущий свист осколков взорванных гранат в блиндаже, сизый, прогорклый дым и ...сквозь него, сквозь обморочную пелену небытия – самое страшное – лютые, беспомощные, близкие лица и каски, зубы, глаза и рты русских солдат!

* * *

«О, майн Готт!..» – молодой, симпатичный и перспективный обер-лейтенант Генрих Шютце, как и его патрон, начальник 1-ой оборонительной линии гер майор Август Делер, вспомнил решительно всё, что приключилось с ними на Шиловской высоте, и не поверил. Видит Бог, – всё случившееся было страшно и не похоже на правду, которая не может быть такой ужасной, и сам он, сидящий на хромоногом табурете среди врагов, был также странен и непохож на прежнего, настоящего, улыбчивого, бесстрашного офицера Генриха Шютце. Он снова с тайной надеждой подумал, что это обыкновенный страшный сон, не в меру затянув-

шийся, ночной кошмар. И эти жуткие русские, которых они встречали и убивали на своём пути, были тоже сном.

«Нет, не может быть! – подумал он, утвердительно и слабо качнув тяжёлой головой. – Не может быть».

Он хотел было протянуть руку и взять со стола свою гербастую с серебристым орлом фуражку, чтобы раз и навсегда покончить с этим диким кошмаром, но занемевшие, отёкшие руки за спиной были связаны. И то, что это было так, мгновенно сделало всё до предела ясным... Он понял: происходящее вокруг не сон, но жуткая – суровая явь.

...В следующую минуту, задыхаясь от ошеломляющей боли скуловоротных ударов, он уже сгрёб разбитым виском и коленями шершавый бетон; чувствовал жарким дрожащим лицом, как стылый сквозняк вылизывает ему красные десна, расшатанные дёсна, щёки и шею, забираясь за ворот, холодя напряжённую шею, липкую от крови и пота грудь. Судорожно думал, что может сейчас взмолиться, выпрашивая пощаду. «Чёрт с ним...» – расскажет то немного, что знает об их укреплении, о контрштурмовой группировке, о механизированном ударно-разведывательном батальоне из 2-ой танковой дивизии СС «Дас Райх», командующим которой был прославленный группенфюрер СС Вальтер Крюгер. Поделится догадкой об испытанном в боях, хитроумном штандартенфюрере фон Дитце – командире танкового батальона, громкая слава которого, за много вёрст, катилась впереди гусениц его «тигров» и «пантер». Надеялся, что своей искренностью, желанием быть полезным, – вымолит себе жизнь. Его развуют, дадут сигарету, возможно, помилуют...

Или напротив, смерть неизбежна и муки его неизбежны! А потому её – безносую с косой, надо встретить, как благо, как избавление – от его унижений, мук, издевательств и пыток. И если так, то он в последний раз, перед смертью час плюнет в лицо своим мучителям, покажет как умирает храбрый офицер Вермахта награждённый Железным крестом Третьего Рейха, как принимает смерть, презирающий врага истинный ариец.

Но, глядя на свирепого сержанта, которого старший офицер почему-то, с непостижимым упрямством, называл «Моцарт»; видя, как на его свекольном, от прихлынувшей крови лице, подобно тёмным молниям, метались конвульсии ненависти, обер-лейтенант Генрих Шютце понял, что и то и другое было напрасным. Не могло возыметь действия на врагов, которые недоступные состраданию, по-азиатски закрытые для эмоций, желали ценой их истязаний и мук добыть секретную информацию. Отдавая сему отчёт, обер-лейтенант решил сосредоточиться на чём-нибудь постороннем и как можно дольше, покуда хватит сил выносить боль и страдание, думать об этом постороннем. Но куда там!..

– Говори, падла! Н-ну сволочь! Мы много знаем! – с пушей яростью, как граната, взорвался Воловик. Сгрёб пленного за грудки, готовый садануть кулачищем в этот стальной ненавидящий блеск глаз обер-лейтенанта, размазать стиснутые губы, проломить бледные скулы, подёрнутые светлой, как лён, щетиной. – Ты что, фриц, опять в молчанку играть вздумал? Или мозги нам парить собрался? Соврёшь – убью-у!! Переводи, лейтенант!

И не дожидаясь осипшего Синицына, он со всей дури ударил немца в лицо. Но слететь тому с табурета не дал, крепко держа того левой рукой на «приколе». Удар ослепил Генриха, вышиб слёзы и кровь из свёрнутого набок носа. Сжав зубы, одурело трясая головой, дрожа, как от озноба, он видел перед собой лишь перекошенный бешенством красно-рябиновый рот сержанта. Тот, грохоча смехом – матом, брызгая слюной, продолжал рывкать:

– А теперь, тварь, ты скажешь всё! И глубину обороны, и количество танков, и номер части...И сколько вас там гнид понабилось! А что б ты, морда фашистская, не думал, что я шучу...На кур-рва! На-а, гад!

Обер-лейтенант больше не дрожал, не ужимал голову в поникшие плечи; уронив подбородок на грудь, он весь обмяк, тупо взирая, как с его разбитых губ свисает тёмно-вишнёвым глянцевым киселём узкая лента слюны.

– Отставить, Моцарт... Полегче, убьёсч-ч к чёртовой матери! Передохни... – Хавив сел на стул, нервно расстегнул крючки душившего ворота, сдвинул ладонью ТТ. Отвернул от пленных дуло, придвинул тетрадь. – почему ты их всё время бьёсч-ч? – с наигранным возмущением, одёрнул политрук. При этом грачиные глаза его, жгучие, навывате, с аспидными зрачками брызгали искристым ядовитым злорадством. – Хм, так таки не годится, товарисч-ч, старший сержант. Это не нас-ч-ч, не советский метод. Пойди, пока покури...

– А что мне им... шоколад давать? – налился кровью Воловиков. – Они паскуды наших баб во все щели имели от Бреста до Москвы! Детей малых ради забавы на штыки подкидывали! Красные звёзды на груди наших солдат вырезали! Они сучье – мясо, только такой язык и понимают... Да я б им гадам... к яйцам гранату подцепил и заставил дрова вжикать! Шлёпнуть! Э-эх, шлёпнуть надо бы одного для острастки...

– Эт-то... тоже переводить? – натужено скрипя новенькими ремнями, растерянно хлопнул глазами Сеницын.

– Нет, лейтенант! А, впросч-чем, – да! Пусть рыжие псы войны знают праведный гнев советского трудового народа. Решимость сталинской партии! Решимость наших кипусч-чих..

– Я бы всё же обоим жопы на свастику порвал! – угрюмо воткнул Геннадий. – Хоть расстреляйте, товарищ начальник. Тогда бы дело пошло! Верняк был бы...

– Разговорчики!!! – брызнул слюной политрук. – Ты мне брось тут... свои уголовные штуки!

– Враз язык-то подрежу!

– Вам виднее... – Воловиков мрачно усмехнулся, бросая свирепые взгляды из-под надбровных дуг, похрустывая суставами пальцев, тяжело протопал в широкие сени, где автоматчик уступил ему нагретое место у печки – буржуйки и протянул холщёвый кисет с табаком.

– «Что, вы хотите от меня?» – возбуждённо, через паузу, перевёл долгожданные слова обер-лейтенанта Сеницын и вдруг просиял лицом, как девица на первом свидании. – Заговорил фриц... Заговорил, родной, товарищ капитан!

– Наконец-то! – Хавив с чувством потёр озябшие руки, и мысленно, с беспощадностью древнего иудея подвёл черту: «Хвала Небесам! С почином тебя. Борис... Дрогнул фриц. Таки взвесил собачий поц... все «про» и «contra», – сломался. Вот и лат-но! Теперь дожать, дожать его надо пса! На наших войнах поражений нет. И пленных не берут! Ты воин, ты боец! Твой соперник силён, но слабей и трусливей тебя, – потомка царя Давида. Его стальные глаза меркнут перед твоим львиным оскалом. Загрызи его! Но не сразу...»

Мелкий, сутуловатый от праведных трудов, заметно лысеющий, с чёрными зачёсами волос на восковом желтоватом черепе, но подвижный, яркий и убедительный в агитвстречах с бойцами, с зоркими грачиными глазами, политрук Хавив энергично поднялся из-за стола. Не отрывая внимательного взгляда от намеченной жертвы, которая не выдержала звериного натиска и угроз, он остановился напротив обер-офицера Генриха Шютце.

В набрякшей тишине прозвучал его дроглый голос. Когда, истощённый, опустошённый пленник умолк, снова безвольно уронив подбородок на грудь, политрук нетерпеливо перевёл вопросительный взгляд на помощника.

– Он говорит, товарищ капитан, что лишь исполнял приказ... Он – офицер Вермахта, но не из частей СС... И, что он, если ему сохранят жизнь, готов к сотрудничеству.

– Vjn al-len lei-den – schaf-ten die grau-samste ist...² – надорванный, гневный, полный осуждения крик старого вояки майора Делера, перекрыл голос Генриха. Участник двух мировых войн, стойкий и жилистый майор Август Делер, как личную трагедию, как собственный позор, крах собственных убеждений, переживал малодушие подчинённого Шютце. Преодолевая безумие положения, он насилию восстановил дыхание и, дрожа сединой, стал медленно

² Из всех пороков самый ужасный для офицера... (нем.)

подниматься. Его кулаки за спиной были сжаты в тугие красно-синие комья костей и жил. Лицо перекашивалось, подёргивалось. Он неотрывно смотрел на Генриха и хрипел с новой силой:

– Die grausamste ist die un-dank-bar-keit... verrat!³

– Уберите это, – не требуя перевода, поморщился в сторону седовласого пленника политрук.

– Что? – лейтенант Сеницын непонимающе вскинул брови.

– Моцарт! – Хавив, не обращая внимания на переводчика, раздражённо топнул ногой. – Этого, – он кольнул взглядом майора, – в общий барак. Воды не давать! Баланды соответственно. И объясни по доходчивей этому маразматическому, если не одумается и не начнёт к вечеру давать показания, я прикажу его расстрелять. Нет, не расстрелять, а обработать его паяльной лампой, как баварскую свинью.

– Но это ж не наш... Не советский метод! – поперхнулся Сеницын.

– Так точно! В десятку, товарищ-ч лейтенант. Советский, гуманный метод нацистам чужд! Посему, будем руководствоваться методом врага. С волками жить... Или вы, таки не согласны? – грациные глаза, как гвозди, впились в розовощёкого лейтенанта.

Сеницын благоразумно промолчал, потупил взор, остро чувствуя на себе прицел чёрных, блестящих глаз. А губы политрука растянулись в узкой, длинной улыбке. Он был доволен собой, умением находить с подопечными общий язык. И правда... Если Борис видел, что, скажем, какая-то беседующая группа из личного состава теряла интерес к его агитационно-пропагандистской речи, умолка, или назревало разногласие, то он тут же подходил, вставлял несколько «бодрящих» фраз, подкручивал, по его собственному выражению «в разболтавшемся механизме ослабевшие пружины – винтики» и готово! – давал разговору иное «товарищеское» направление, должный тонус.

Хавив смачно чиркнул спичкой, оживил потухшую папиросу. Старший сержант Воловиков лениво, огромным валуном отломился от нагретой печным жаром стены. Тяжко прошаркал подкованными каблуками сапог до майора. Сковырнул его с табурета и, крепко сжимая плечо грязными пальцами, косясь на немца дичальными глазами, хрипато реготнул в ухо: – Пошёл что ли, чучело.

Август Делер в кителе нараспашку, с оторванными с мясом пуговицами, кутая подбородок в куций ворот, обернулся. Хотел напоследок хоть взглядом образумить – взбодрить Генриха, но звероподобный русский сержант с автоматом, крепче склешил на его плече бурые пальцы и зло прорычал:

– Иди, рыба холера! Не то пристрелю.

* * *

– Так на чём мы таки остановились, товарищ-ч Сеницын? Враг дожат... и выразил благоразумие сотрудничать с нами?

– Так точно, товарищ капитан. Фриц готов рассказать всё что знает, хм... если не убьём.

– Убьём, если не расскажет или соврёт. Однозначно убьём... – вздохнул Хавив и затаился папиросой, накрепко сжимая промеж пальцев, покрытых чёрными волосками, изжёванный, мокрый, картонный мундштук. – И это тоже обязательно передай ему.

Политрук по-хозяйски прошёлся по застенку, остановился перед Шютце и тот подумал: его снова ударят, начнут избивать. Но... дознаватель не тронул его и пальцем, не было угроз – оскорблений. Какое-то время, покручивая в пальцах папироску, топыря тёмные губы, он вообще не смотрел на пленника, а на тускло светившую лампочку, что мёртво отражалась в тёмной стоячей воде полупорожного ведра. А чуть погодя, извлёк из нагрудного кармана защитной гимнастёрки круглые роговые очки и водрузил их на клювастый нос. Генрих вскинул

³ Самый ужасный и гнусный – это неблагодарность... Предательство! (нем.)

голову, сквозь захватанные пальцами стекляшки, на него пристально смотрели внимательные чёрные глаза.

– И так, насколько я понял, – произнёс политрук спокойным, будничным голосом, вы Генрих Шютце, – обер-офицер 1-ой линии обороны Шиловского плацдарма, верно?

– Так точно. 8-ой корпус генерала Гейтца, 204-я дивизия, 37 полк, – через паузу перевода, по-военному чётко ответил он, кожей чувствуя для себя передышку, желая ею воспользоваться, стараясь понравиться серьёзному сдержанному офицеру. Однако не удержался и с нервной оглядкой, боясь спугнуть несвоевременной просьбой хрупкое – эфемерное, как ему казалось, установившееся между ними доверие, горячо попросил. – Дайте закурить...дайте, мне сигарету!

– Вы ж, не курите русские папиросы, только немецкие сигареты. Или как? Дома одно, а в гостях другое? – Хавив улыбнулся. И приветливо, почти дружески, глядя на окровавленного, едва державшегося на ногах немца, сказал. – Лад-но. Развяжи ему руки, лейтенант. Осчипали, не улетит гусь, – и протянул пленному квадратную пачку «Беломора».

– Danke...Vielen dank!⁴ – обер-лейтенант был польщён, а более потрясён невероятным обращением. На его избитом, болезненном небритом лице слабо загорелся румянец. Затравлено глядя на странного, подозрительно доброго, капитана, давясь горьким дымом, он жадно делал одну за другой затяжку, всякий раз, оставляя на кремовой белизне картонного мундштука багряный след своих губ. И ждал, по-прежнему ждал выстрела в затылок, не в силах поверить в своё спасение. Но выстрела не было. После первой, – он не заметил, как закурил, – ему была дана новая папироса.

– Что вы хотите от меня? – Генрих напрягся плечами, тщетно пытаясь скрыть цепенящий страх.

– Вы таки не догадываетесь? – едко усмехнулся Хавив, деловито прошёл за стол, снова оседлал табурет, обмакнул в чернило перо, придвинул засаленную, в мелкую клетку тетрадь, и добродушно уточнил. – А хочу я немного. Правды, только правды, Шютце. И таки, надеюсь...на ваше благоразумие, обер-лейтенанат.

– Хорошо, но я требую гарантии моей жизни!

– Твою мать!..Ишь ты, крутиться, как сука на верёвке! – железисто брякнул автоматом, вернувшийся с холода Воловиков. – Требовать будешь у девки в постели, ежли живой останешься...Р-разрешите, товарищ капитан! Я его гитлеровскую сволоту отрихтую до последнего зуба. Вложу ума, холера ему в бок! – с готовностью рыкнул сержант, но тут же смолк, получив в ответ испепеляющий взгляд замполита.

– Курите, курите, – вновь натянуто улыбнулся немцу Борис. – Но таки, помните, всё в ваших руках, Генрих. И ваша жизнь...в том числе. Тэк-с, значит, 204-я дивизия, 37-й полк? Отлично. А какова глубина обороны? Количество огневых точек? В голосе капитана не было свирепого хрипа сержанта, скорее сочувствие и деятельное, закономерное желание: знать всё об обороне противника. И Генрих вдруг с облегчением почувствовал: жуткая тёмная бездна, на краю которой он оказался, как будто отодвинулась от него.

Между бездной и ним встал этот мелкий чернявый капитан с быстрыми грачными глазами, которого он, – обер-лейтенант Вермахта, Генрих Шютце, готов был в эту минуту боготворить. Но одновременно с этим, как офицер Великой Германии, присягнувший на верность фюреру, он ужаснулся и своему выбору, который напрочь перечёркивал всю прежнюю его жизнь, карьеру, и совершал с ним что-то ужасное, гадкое, унижительное, что навек лишало его офицерской чести и доброго имени.

– Я что-то не очень пойму? Опять молчим? – Политрук, будто невзначай, мазнул взглядом по выжидавшему сержанту, тряхнул крепкими, как кремь, ногтями по кумачовой папке,

⁴ Спасибо...большое спасибо! (нем.)

и снова, как прежде, приветливо, почти ласково, уставился на Шютце своими выпуклыми, словно чёрная смородина глазами.

– Я...готов. Задавайте вопросы... – глядя на переводчика лейтенанта Синицына, подавленно, с глубоким отвращением к себе, выдавил Генрих.

– Тэк-с, тэк-с...Замечательно. А что, вы там говорили об ударно-разведывательном танковом батальоне? Секундочку, как, как? Ещё раз его имя, фамилия, звание, должность. Угу...Штандартенфюрер СС Отто фон Дитц, командир батальона, из танковой дивизии «Дас Райх»... – стальное перо, в очередной раз клюнув в склянку, продолжило свой бег...

Глава 2

Как только, сопровождавший комдива старшина Егоров, распахнул перед ним дверь, Семён Петрович с порога почувствовал градус напряжения допроса; ярость костолома Воловика, возбуждённого собственным хрипом, ненавидящими, сталисто-серыми глазами немца, его исступлённым молчанием.. Впрочем, последний теперь давал ценные показания. Сломленный, беззащитный, он был в полной власти мелкого чернявого офицера.

– Вста-ать! Смир-рно! – политрук, живо выскочив из-за стола, мгновенно нахлобучил фуражку на бледные хрящи ушей, бросил напряжённую ладонь под козырёк, и хотел было доложить по форме об успешном допросе, когда прозвучало негромкое, но весомое генеральское «вольно».

– «Вольно!» – под низким потолком эхом раздалась команда Хавив.

Но все пятеро: капитан Хавив, лейтенант Синицын, ст. сержант Воловиков, рядовой – автоматчик Матушкин и, сопровождающий командующего старшина Егоров, – продолжали пребывать по стойке «смирно», не смея дать себе лишней послабки. Все пятеро с молчаливым почтением смотрели на новоявленного комдива, на шёлковые, чуть потускневшие ленты наград на его груди, красно-серебрянные, красно-золотые ордена и, казалось, офицеры-солдаты даже чувствовали их благородную чеканную тяжесть: Орден Ленина, Орден Красного Знамени, Орден Красной Звезды. Но более других орденов и медалей, гипнотизировала сверкающая чёткими – строгими гранями «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Ветеран войны с белофиннами, скромный по природе полковник Березин, чтобы не смущать подчинённых, предпочитал носить на кителе, лишь наградные планки («колодки», как было принято их называть у военных), но вот решился, надел, в честь новой должности и генеральского звания. И произвёл фурор, когда перешагнув порог, сбросил на руки старшины накиннутый на плечи внапашку белый, как снег, полушубок. Но более других, регалии эти произвели впечатление на бывшего штрафбатовца Геннадия Воловика, – давно мечтавшего воотчую узреть предметы – знаки воинской власти и отличия, но никогда не видевшего...И вдруг!

Ошарашенный, он буквально заворожено смотрел на этот живой «иконостас», – взвинченный взявшимся молчанием, он нервно дёрнул ухом, потом ещё раз и на его тёмно-рябиновых губах застыла восхищённая, верноподданническая улыбка.

– Я, таки, извиняюсь, товарищ генерал, – капитан Хавив выступил вперёд. – А что ж, без соответствия, – он метко чиркнул блестящими глазами по плечам комдива. На генеральском мундире почему-то оставались полковничьи погоны с двумя карминовыми просветами и тремя сложенными в пирамидку звёздами. – Не по ранжиру, так сказать...

– А-а, ты об этом... – усмехнулся Березин и отмахнулся, как от мухи. – Видать, погоны не успели ещё допорхать. Но вот мунди-ир! Эх, чёрт из табакерки! Гляди-ка, справил зам по тылу Рогов. Вот жук, во-от поросячий хвост, – талант!

Однако, когда народ через секунду, другую пришёл в себя и радостно загудел поздравлениями, Семён Петрович на корню пресёк восторженное, шумное одобрение.

– Отставить! Не то место, не тот час, товарищи бойцы. Война за окном, не гулянка. Как у тебя дела, политрук? Впрочем, вижу... – мельком глянув на немца, усмехнулся Березин, желтея обкуренным карнизом зубов. – Значит, выбил показания из оккупанта?

– Так точно! У Моцарта... Виноват, товарищ-ч генерал-майор. У моего подручного старшего сержанта Воловика не забалуешь. Такой устроит «долбляк»... Виноват, товарищ-ч генерал-майор, такой допрс с пристрастием, мама не горюй...

– Стало быть, – комдив кивнул на сержанта, – доволен им?

Воловиков, ловивший в стылом сумраке застенка каждое слово-жест Березина, при его «кивке» – щёлкнул каблуками, застыл соляным столбом. При этом на сержантском лбу – ровно

и широко переходившем в налитую жаром голь черепа, тут же вздулась чёрная вена, набрякла грозой, раскроив надвое скошенный лоб.

– Так точно, товарищ-ч генерал-майор. Зверь мужик. Не ошибся я в нём, – Хавив улыбочиво потупил глаза, – оч-ченно даже да. Доволен. Таки красавец. Колотухи, как паровой молот. Бац, и вся спесь – гонор фашиста вон! Бац, и язык у нациста сам собой развязывается. Так вот...и с этим обер-лейтенантом Вермахта было. Я дико извиняюсь, товарищ-ч генерал-майор...Моцарт так отверхтормашил фрица...А наперёд рывкнул оккупанту в ухо: «Не скажешь сколько танков у вас и пехоты, я сам тебя за кадык подвешу! Зубами на куски рвать буду. Ты, растакрой-то сучий потрох...мне ещё за Ледово побоище, мать-перемать, ответишь!!» И всё! Фриц готов, как судак в духовке. Бери его с потрохами, честное слово, ешь не хочу.

– Значит, все старыми методами действуешь, Борис? – комдив присел на край крестьянской скамьи, что вековала у стены, под маленьким оконцем.

– Проверенными, товарищ-ч генерал-майор.

– Но почему всё-таки «Моцарт»?

– Уж больно таки хорош в импровизации, Семён Петрович. Virtuоз, так сказать. Мастер...

– Заплечных дел...Хм, тебе бы инквизитором быть, замполит.

– Виноват. Не понял? – насторожился Хавив.

– В НКВД служить... – мрачно усмехнулся Березин.

– Стараюсь, товарищ-ч генерал. Вы б при случае...замолвили обо мне слово в Особом отделе...

– Что со вторым пленным? – был кратко задан контрвопрос.

– С гер майором? – политрук вскинул брови.

– Ну их же двое доставлено с танкаевского рубежа?

– С тем хуже, товарищ-ч генерал. Фанатик. Всё кричит...

– Что именно? – комдив забросил ногу на ногу. Алый, двойной генеральский лампас, круто изломленный на широком тёмно-индиговом галифе, жарко вспыхнул в жёлтом отсвете лампы.

– А-ай, да всё одно! – капитан досадливо помахал рукой, словно отряхивал прилипшую к пальцам грязь. – Что де Великий Рейх...Советам не победить. Что за Германию отдадут жизни все: солдаты, офицеры и дети, и старики. Что из-за любви к Великой Германии и верности Гитлеру, – солдаты Вермахта готовы по первому приказу своих генералов попирать земли любых стран, без страха и упрёка идти и умирать на полях войны, храбро бросаться в любой огонь и ад. Потому, что знают: с ними фюрер и Бог!

– Ну, это старая песня, – скучающе уронил Семён Петрович и основательно затянулся папиросой. – Ничего, товарищи бойцы. Мы всю эту крестовую сволочь, – их кликуш – главарей, ещё будем судить военным судом – трибуналом, за все их зверства. Вот тогда поглядим, какие они песни запоют гады.

– Это перевести, товарищ-ч генерал-майор? – капитан Хавив красноречиво покосился на пленного Шютце.

– Отставить, замполит. Он и так знает. – Березин стряхнул пепел под ноги. – У нас в России – Матушке ори-не ори...В Берлине, один хрен, не услышат. Вот потому, этот умник, уже не орёт. Да уж, – малиновый уголёк папиросы ровно загорался при каждой затяжке комдива, – серьёзно тут всё у тебя, Борис Самуилович. Сурово, как на передовой, понимаешь.

– Как же иначе, товарищ-ч генерал-майор? Это раньше при царе-кровопийце было: есть фронт и есть тыл...с «рябчиком-ананасом», с бисквитами и «Вдовой Клико»... Но теперь, таки, дело другое. Советский человек не халуй, не быдло! Сознательность и верность нашей партии – идут в авангарде...Теперь, таки, тыла нет. Есть только фронт, товарищ-ч комдив. И там – на Урале, в Сибири, как и мы здесь, наша Родина не смыкает глаз у станков и мартенов! «Всё для

фронта, всё для Победы!» – вот девиз нашей коммунистической партии, вот цель советского народа. И каждый из нас, на своём участке, куёт Победу в этой священной войне.

– Да ты стратег, капитан, – Березин выпустил из угла рта душистую голубую струю. – Надо же, нет «тыла», есть только «фронт». Занятно, впервые слышу. Ах, чёрт... Тебе бы не зубы – рёбра выламывать с Моцартом, а возглавлять Штаб фронта. Да, погоди ты обижаться, замполит... И вот только не надо меня... агитировать за Советскую власть. Уволь от этой трескотни. Сам коммунист с Гражданской. Давай по делу, без твоих предисловий.

– Слушаюсь, товарищ-ч генерал-майор! – Хавив вытянул руки по швам и лишь потом, с победной, грассирующей нотой в голосе стал докладывать, временами поглядывая в тетрадь, чиркая и выклёвывая грациными глазами ценные зёрна цифр и прочих выбитых сведений.

* * *

Комдив, погружившись в свои мысли, при этом чутко слушал политрука, не вполне доверяя показаниям немца. Мельком взглянув на пленного офицера, отметил: молодое лицо оберлейтенанта – сплошной вздутый лилово-красный синяк, было потеряннм, с серыми тенями близкой смерти. На запястьях рук горели следы верёвочных пут, забрызганные грязью и кровью сапоги, стояли вкривь. Правда, это обстоятельство, ничуть не задевало душевных струн генерала, не вызывало никакого сострадания или чего-то ещё в этом роде. Перед ним был заклятый враг, который пришёл осквернить его святыни и землю... Вероломно вторгся с огнём и мечом: убивать-грабить советский народ, – и этого было сверхмеры. Командующий чувствовал его животный страх, желание выжить любой ценой, стремление переиграть судьбу, возможно, упрятать поглубже истину, до корней которой хотели докопаться захватившие его враги, – а потому крепко сомневался в искренности последнего. Однако, по мере излагаемых замполитом фактов, Семён Петрович, всё больше менял своё мнение. Данные Генриха Шютце не только не расходились со сведениями полковой разведки, но и правдиво дополняли сообщения капитана Ледвига. Впрочем, сие открытие ничуть не изменило его отношения к фрицу. Положа руку на сердце, Березину была не интересна личность немца. Он был равнодушен к его судьбе, равно, как и лютого врага, не впечатляли – кровь и слёзы России.

Немец был нужен ради одной – единственной цели: в его голове, в испуганной душе скрывалась важная на это час информация. Когда она будет выбита, хитростью либо угрозами, вычерпана до конца из пленника, тот потеряет для комдива решительно всякое значение. Всё станет, как было не раз. Лицо оберлейтенанта Шютце исчезнет – забудется навсегда, как и сотни иных лиц фашистов, привнесённых войной в его жизнь. Оно сольётся с другими, не различимыми, среди бессчётных встреч, допросов, проверок, неопознанных оскаленных трупов: замороженных в багровый лёд, или вдавленных в чёрную землю, или плывущих кокорами по воде, или зависших плотью на кольчатой стали проволочных заграждений.

Но здесь и сейчас, в кирпичном пристрое, где разместилось нехитрое хозяйство замполита Хавив, всё внимание, прозорливость генерала были сконцентрированы на пленнике, из которого по каплям добывалось драгоценное знание, пропускаемое сквозь сито допроса.

– Документы были при нём? – щуря воспалённые от бессонных ночей глаза, поинтересовался комдив.

– Так точно, товарищ-ч генерал-майор. Документы в порядке и у него, и у майора. Оба приписаны к моторизированной дивизии «Великая Германия». 108-й стрелковый полк... Двум батальонам которого при поддержке миномётов и артиллерии было приказано охранять этот ч-чёртов плацдарм.

И это тоже было похоже на правду, даже более чем... Буквы «GD» белого цвета, принято для пехоты в немецкой армии, вышитые на его погонах и чёткая манжетная лента на сером – цвет фельд грау – полевом мундире с названием этой дивизии, говорили сами за себя. На левом нагрудном кармане было зримо воинское отличие «За ранение» и «Нагрудный штурмовой пехотный знак». Березин знал: таким награждались солдаты и офицеры сухопутных войск,

принимавших непосредственное участие в боях. Чёрный знак «За ранение». Каков был на груди Генриха Шютце, давали тем, кто получил в бою ранение и этим знаком по праву был горд любой солдат, без исключения.

...Слушая оперативные сводки капитана Хавив, анализируя новые данные о мнимых полях, живой силе противника в районе Шиловского пяточка и прилегавшего к нему леса; уточняя на сколько может быть плотен огонь миномётов, пулемётных гнёзд, выставленных на флангах новой линии укрепления гитлеровцев; разбирая общее положение на западной правобережной части Воронежа, куда враг продолжал упорно стягивать войска, Семён Петрович вновь ощутил, как с противоположного берега (где кое-как закрепились его три обескровленных батальона), пронизывая сырое пространство воздуха, продавливая стёкла его командного пункта и кирпичные стены пристроя, в котором он теперь находился. Бесшумно веют незримые, мощные силы, гуляют по расположению его гибельно истощённого полка, обнимают – принохиваются к каждой землянке, артиллерийской упряжке, орудию, полевой кухне, поленнице, к каждой группе притихших бойцов, к каждому армейскому вещмешку, походному котелку... И эти злобные силы, эти враждебные вихри – суть знамения грядущей беды и несчастья, гарантия новой крови, новых страшных потерь, и чуткая мембрана в его командирской груди улавливала их присутствие, пульсировала, подавала сигналы.

Сердце Березина обложило льдом, когда он подумал о тех, кто окопался на вражеском берегу: командиры 1-го, 2-го и 3-го батальонов – Дерябин. Худяков, Воронов. Комдив напрягся, как кусок колючей проволоки, – первых двух к 15.00 сего дня, как доложил правый берег, уже не было в живых. Оба героически погибли при взятии высоты. А вместе с ними смерть забрала: четырёх командиров рот, столько же взводных и бесщёту солдат.

«Твою мать! Оба: майор Валерий Дерябин и капитан Сергей Худяков просили помощи... Страстно просили... Со зверским отчаяньем требовали новых штыков – автоматов... – Семён Петрович стиснул зубы до ломоты. Синеватая бледность облила щёки. – Простите, братцы! Простите, товарищи!.. Знаю, детишки остались у вас!.. Но, видит Бог, неповинный я!.. Приказы не обсуждаются»..

И то правда, – видел Бог, знал... При всём желании не мог Березин, не смел оголить тыл левого берега до подхода свежих частей. Хоть убей, – не имел права бросить в бой за высоту 178, 0 последний резервный батальон майора Алёшина. Как верно и то, что с марша – с ходу вступить в единоборство, лоб в лоб, с численно превосходящими силами противника, – было тоже авантюрой, если не сказать крепче – самоубийством. Всё это прекрасно наперёд знал – понимал – предвидел Семён Петрович, ещё по опыту войны с белофиннами, по огненной линии Маннергейма... Но приказы не обсуждаются. Крут и суров был генерал-лейтенант М.М. Попов, в распоряжение 40-й армии которого была направлена 100-я стрелковая дивизия, – возражений не принимал и солдатских потерь не считал. Время, пропахшее кровью и порохом, стояло архисуровое: головы и погоны генералов летели, как листопад по осени.

После решающего, ожесточённого сражения под Москвой, при котором, считавшийся непобедимым, Вермахт был остановлен на подступах к столице, а затем и отброшен назад в ходе контрнаступления наших войск, Ставка и сам Верховный – ждали с фронта только побед. Вот потому, генерал-лейтенанту Попову, как воздух, как спасательный круг утопающему, нужен был правобережный плацдарм, о взятии, которого он мог бы рапортовать наверх, командующему Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутину, а то и самому товарищу Сталину.

...Комдив затушил окуроч, сцепил руки в замок. Безымянные, беззвучные потоки близкой беды, заливавшие пристройку сквозь тусклое оконце, окружали Березина. Пронизывали его однобортный генеральский френч, белый подворотничок, рельефное серебро и рубиновую эмаль орденов, «Золотую звезду» героя... просекали насквозь его от природы ладное, статное тело вятского богатыря и, как чудилось ему самому, в груди его выжигалась пустота. Бестелесная, лишённая материи скважина. Там, где должно было биться сердце, дышать наполненное

табачным дымом лёгкое, бежать по жилам кровь, там казалось, всё было обугленным, покрытым горячим пеплом.

«Простите, товарищи... – черствея взором, мысленно повторил генерал. – Клянусь, мы отомстим... С лихвой отомстим за вас, ребята. Земля будет гореть под ногами врага. И будет проклят ими тот день, когда они решились перешагнуть священные рубежи нашей Родины».

Семён Петрович, глядя, как плещется в чёрной воде ведра рыжий отблеск лампочки, больной, тяжёлой мыслью, вновь подумал о невосполнимой утрате. А мысль о живых – комбате Воронове, о капитане Танкаеве, о начальнике полковой разведки Ледвиге, клещами сдавила горло. Теперь они, оставшиеся там, на огненном рубеже жизни и смерти, так же отчаянно требовали поддержки. А он по-прежнему ничем не мог им помочь. Проклятье! Ни обещанных танков, ни обещанной пехоты, как не было, так и нет.

«Твою мать... Так какой же я к чёрту комдив без дивизии?! – костерил себя Березин, сглатывая полынный ком в горле. – Какой генерал? Свадебный? Дутый?! Мыльный пузырь, да и только... И то верно: « Не по ранжиру погоны, брат...», «Эх, коротка кольчужка»».

Одна надежда оставалась на приданную стрелковому полку, батарею 152-миллиметровых гаубиц капитана Фёдора Порабудько. Их заградительный артиллерийский огонь, скоординированный командирами правобережья, хоть как-то мог поддержать, укрепившихся на плацдарме бойцов, дать, пусть зыбкую, пусть призрачную, но надежду на то, что батальоны выстоят и всё же сумеют дождаться подхода основных сил.

* * *

...Между тем, политрук Хавив закончил рапортовать и комдив из всего услышанного сделал прозорливый вывод. Стягивание довольно крупных сил неприятеля под Воронежем, – это ни что иное, как тонко спланированная игра немецких стратегов, главная задача которой отвлечь и сковать растянутое по всей фронтовой линии разрозненные советские войска, которые весной 42-го вели в основном активные маневренные оборонительные действия. Эти выводы лишней раз подтверждали предположение Ставки и собственно командование Воронежского фронта, что гитлеровцы готовятся к марш – реваншу, – второму «генеральному» наступлению на советско-германском фронте.

Положительно вся полученная из разных источников информация так или иначе сводилась к одному знаменателю: враг затевал нечто грандиозное, доселе ещё не виданное миром... И доказательством сего были дополнительные сведения разведок всех мастей. Ставка ожидала в ближайшее время: 6-я полевая и 4-я танковая армии вермахта готовят мощное наступление из района южнее Воронежа вдоль правого берега Дона, а 1-я танковая армия – из района Артёмовска в направлении на Кантемировку. Из всего этого становилось, очевидно: озлобленный противник стремится, во что бы то ни стало выйти в большую излучину Дона. По-всему захватить Валуйки, Россошь, Богучар, Кантемировку, Миллерово. И если ему это удастся, опрокинув наши Юго-Западный и Южный фронты, – перед ним открылись бы восточная дорога – на Сталинград и южная – на сказочно богатый нефтью Северный Кавказ и Закавказье.

Невидящими, словно присыпанными пеплом глазами, Семён Петрович в последний раз посмотрел на пленного немца... от железных, механизированных полчищ, которых ни ему, ни его бойцам, ни его любимой стране уже второй год не было житья.

Шютце, остро уловив взгляд большого начальника русских, судорожно дёрнул острым кадыком и запуганно, зачем-то без дела, согласно кивнул. И вдруг срываясь на крик, страстно и искренне, дрожа голосом начал отпираться, надеясь на доверчивость и сострадание важного офицера:

– Мой nein SS... Мой nein наци! Мой butte жить! Убивать nein! Butte schon!⁵

⁵ Я не из войск СС... Я не нацист! Я хочу жить! Умоляю, не убивайте! Очень прошу! (нем.)

Березин молчал. Обер-лейтенант больше не интересовал его. Из немца была сделана выжимка, оставшееся – было неважным, ненужным.

Так мыслил комдив, намериваясь встать и отправиться в штаб полка. Доложить со своего сектора последние данные генерал-лейтенанту Попову, вытребовать от него в конце-концов срочной поддержки; в который раз пытаться выйти на связь с комбатом Вороновым, выяснить положение, ободрить – поддержать героев хоть словом; и, если повезёт, добраться до походного лежака, рухнуть, укрыться полушубком и урвать у суток хоть пару-тройку часов.

Да, так думал генерал, хмуро взирая на онемевшего, ожидавшего своей участи Шютце. И надо ж, ветры неведомые! Нечто умоляюще – детское вдруг мелькнуло в лице фрица, что-то неуловимо – знакомое, как показалось Семёну Петровичу, повторявшее одно из выражений, его собственного сына Максима, когда тот, в болезной хвори, страдая от сыпкого жара, тянулся к нему, уповая на его волшебную силу, отцовское всемогущество и милосердие, находясь во всецелой зависимости от его благой родительской воли. И это невероятное совпадение бритвенно остро резануло, зачерствевшую за годы войны, душу Березина. Его единственный сын Максим, того же года, что и пленный Генрих Шютце, сейчас тоже воевал, защищал, умирающий от голода и бомбардировок блокадный Ленинград. Мог попасть в окружение – плен и, кто знает, быть может, тоже теперь был в застенке врага.

Накинув на плечи, проворно поданный старшиной Егоровым полушубок, он задержался у порога; чиркнул спичкой, прикурил новую папиросу. На душе было разное... Обречённо смотревший на него пленник, был чьим-то сыном. У него была мать, наверное, и отец. Родные день за днём, год за годом, ждали его в далёкой Германии, страдали за него, с напряжением слушали по радио brave сводки с Восточного фронта и с тайным ужасом думали: что однажды в их доме... вдруг траурно плеснёт дверной колоколец... И бесстрастный фельдфебель из военной комендатуры, отдавая честь поспешно вручит серый, безликий конверт с уведомлением о героической смерти их дорогого – любимого мальчика, единственного сына, обер-лейтенанта Вермахта – Генриха Шютце.

* * *

...В эту минуту, судьба молодого немца, сидевшего перед комдивом здесь, в пристройке коровника, под Воронежем, и судьба его сына Максима, воюющего среди заледенелых развалин голодного Ленинграда, вдруг оказались странно связанными. Нет, не как судьбы убивавших друг друга непримиримых врагов, а иной связью, проникавшей через его, Березина, тайно страдающее сердце. Как Бог свят! Ему виделось: жизнь одного непостижимым образом хранила жизнь другого, но смерть любого из них – неизбежно влекла за собой гибель второго. Эта магическая связь, негаданно нагрянув, обнаружив себя, держалась стойко, не исчезала. И боевой генерал Березин, герой Советского союза, смолоду убеждённый атеист, член партии – коммунист, вдруг ощутил неземную силу, снизошедшего на него озарения. Хороня эмоции под личиной невозмутимой суровости, он с суеверным родительским беспокойством, не давал ей оборваться.

– Разрешите, товарищ-ч генерал майор... Так, что таки, прикажите с ним делать? В расход?.. – Хавив прищурил, левый глаз, словно целясь.

– Помыть, накормить и дать возможность выспаться.

– Не понял. Я, кажется, ослышался, товарищ-ч генерал...

– Завтра с полевой кухней, отправишь его на железнодорожную станцию «Анна». Пусть комендатура с ним разбирается. Но без лишнего усердия, понимаешь...

– А как же-с...»бить без пощады за Советскую Родину ненавистного врага?..Как же патриотическая, пропитанная благородной яростью – ненавистью к врагу публицистическая нота нашего лучшего военкора Ильи Эренбурга «Убей фашиста для мамы»?! ведь, таки, сам товарищ-ч Сталин... Сам Верховный одобрил!

– Вам не понятен смысл моих слов, капитан?

– Но, ведь мы... своих досыта накормить не можем!.. – колко клюнул вопросом политрук, целясь прищуренным глазом комдиву в переносицу.

– Отставить агитацию! – Березин гневно полыхнул взором. – Остроты и вопросы, замполит, побереги для подчинённых и более подходящего случая. Этот обер-лейтенант мне ещё будет нужен. Сдашь под расписку. Это приказ.

– Так точно. – Хавив отдал «под козырёк», давя кривую, двусмысленную улыбку.

Но стоило комдиву перешагнуть порог, как политрук, зло шикнув на старшину «куда пр-рёсч-ч, дурак», первым нырнул за генералом в полутёмные сени, и шибанул перед носом ошарашенного Егорова дверью так, словно хотел поставить новую.

– Что ещё? – не поворачиваясь, через овчинный ворот раздражённо спросил Березин.

– Тут вот такая история, товарищ-ч генерал-майор, – Борис, прислонившись спиной к печке, понизил заговорщицки голос. – Дело, таки, деликатное, требующее особых разбира-тельств... При всех не имел право.

– Ну, рожай быстрее, капитан!

– Слушаюсь. Так вот, – грачиные глаза сверкнули в потёмках рыжею искрой. – Комбат Воронов и его дружок – кавказец, командир 1-ой роты капитан Танкаев. Ну словом, не внушают доверия мне. Сплошное самоуправство... Неуставная вопиющая вольность!.. Я бы даже ска-зал, – преступная в военное время. Прямо, таки, какое-то братство абреков, честное слово. Вот здесь у меня – Хавив нервно тряхнул ногтями по кумачёвой папке, что торчала под мышкой. – Всё собрано, изложено и соответствующим образом задокументировано, товарищ-ч генерал. Убеждён, Особый отдел оценит и проявит должную бдительность к сим протоколам. Словом, я намерен доложить...

– Чего ты «намерен», рожа твоя протокольная! Мордуют тебя черти! – Березин, как в драке, круто повернулся. Испепеляюще глянул в глаза замполита и ужаснулся в душе своей догадке. Сверкал Борис лиловыми птичьими глазами, беспокойно блестел впотьмах сеней кар-течинами зрачков.

– Я бы попросил!.. – взвился политрук.

– Молчать! Остынь! Ретив больно! – Комдив, как матёрый секач, дрогнул зачугуневшими от прихлынувшей крови, скулами. – Вижу-у, куда ты гнёшь, политрук. Отставить! Соблюдай субординацию, капитан! Коли хочешь всё по уставу. Ишь на кого глаз положил, крючоктвор! А то не знаешь, разве, гнилая твоя душа шелкопёрская?.. Что они там одни за рекой остались на высоте? На одном их мужестве, стойкости их бойцов, – мы тут держимся! Да будет тебе известно, Борис, и тот, и другой – герои! Это тебе не здесь, в застенке... красные сопли пленных на кулаки своих подручных наматывать! И ты мне глаза не пучь! Не вер-ришь? Изволь вёсла в руки, – хоть сейчас тебя с твоим Моцартом на тот берег отправлю. Там немец – зверь! Загрызёт – не моргнёт! Уяснил ты, сопля пузырьрём?

Весь в огненных колючках холода, политрук упрямо молчал. Видит Бог, такой отповеди – реакции за свои труды, Борис не ожидал. Впервые он видел комдива таким: комок нервов и гроздь гнева.

– Не слышу! Уяснил?! – в расширенные зрачки Хавив, Березин вонзил суровый, налитый возмущением взгляд своих кровавистых глаз. – Смотри, капитан, не убоюсь доносов твоих. Вот так возьму за шкварник и хвост, и мехом внутрь вытряхну, ко всем матерям... Смотри! Верно, тебе говорю, понимаешь...

– Так точно.

– А папочку-то кумачёву свою, дай-ка!

– Но, таки, зачем вам, товарищ-ч... – растерянный Борис Хавив, с серым лицом, скован-ным сильнейшим напряжением, замолчал под взглядом комдива.

– А чёрта ли в ней прок? Гляну на досуге. – Березин силком вырвал папку из подмышки обезоруженного замполита. – Ну, будь здоров, капитан. – Помни: жизнь каждого человека бес-

ценна. И на войне – это чувствуется в кубе – остро и сильно. И ещё, уясни одно: жгучая страсть к карьере, как и к наживе, не совместимы с долгом и честью. Так же, как гений и злодейство. Постиг?

– Так точно, товарищ-ч генерал-майор.

– Ну, так, пощадите, мать вашу, ради Победы... Державу и нас! – дрожа ноздрями, горячо выдохнул Березин и, не глядя на замполита, вышел.

* * *

Серый, ненастный день незаметно превращался в сумерки; в воздухе сеялась талая иглистая изморось. На реке Воронеж раскатисто, с треском лопался лёд. Березин без разбору шагал по грязи, сунув руки в карманы галифе. Ему казалось: через огромное ветреное пространство этого серого дня, сын Максим в блокадном Ленинграде думает о нём и знает про пленного Генриха Шютце. Знает и про его «озарение», про эту мистическую, обоюдоострую «связь», и о принятом посему им решении... Мысли отца и сына, летели над грохочущими фронтами, надо рвами братских могил, над дымящимися руинами городов, и сталкивались. Встречались там, где над армейскими палатками, землянками в три наката, батареями дальнобойных орудий, врытыми в землю танками, возносилась по дуге и дрожала огнём сигнальная ракета.

...На полпути, чавкая по лывам, его нагнал старшина Егоров. Страхивая с моржовых ущиц сыпкую морось, молча зааршинил чуть поодаль, с остраткой поглядывая на мрачного генерала.

Березин быстро пересёк двор, миновал, вытянувшись в «струну», часовых на КППП; на развилке дорог задержался, перебирая в уме фамилии – имена погибших командиров, о посмертном награждении которых хотел походатайствовать перед начальством.

Из череды гнетущих мыслей о надвигающемся неведомом, его вырвал сочный взволнованный возглас адъютанта Касаткина.

– Товарищ комдив! Товар-рищ комдив! Вас вызывает 1-ый командующий генерал-лейтенант Попов!

Глава 3

Четыре санитарные повозки, гремя дощатыми бортами и железными дугами, неслись низом берега, прыгая на ухабах и яминах. Возницы остервенело пороли лошадей кнутами, кружили над ушанками вожжи, не оглядываясь назад, откуда валом полз хриплый, рвущийся раненый солдат.

Набитые, как сельди в бочке, плечом к плечу, в багряном рассоле собственной крови, торкаясь-шибаясь о шелястые борта, они подбрасывались на днищах повозок, метавшихся от края к краю по кочковатой, не наезженной береговой линии.

– Э-эй, не гони-и т-так, братцы! Сволочуги-и..

– Ой, моченьки нет! Ой, смерть моя!

– Тря-а-аско, хлопцы! Да як же вы, злыдни возжате-е? За шо? За шо?!

Дывись, не др-рова везёте! – зверем рычал здоровущий пулемётчик с Полтавы Жадько сорванным, сипатым голосом, катая по днищу повозки в бордовых бинтах безглазую голову.

Но санитары, не имевшие возможности, хоть как-то облегчить страдания несчастных, хранили суровое молчание, с тревогой вглядываясь в крутой и угрюмый навис песчаного яра. Перед их глазами широко и упруго, как крыло могучей птицы, вздымалась глинистая гряда, прикрывая дуговатым концом, нависшую в небе, брюхатую снежную тучу.

...Раненные, собранные санитарями на левом фланге захваченного плацдарма, на минуту оборвали жуткий сплошной стон. Гулко грёмкали железные обода колёс, надсадно скрипели несмазанные оси, а на задках повозок глухо и мертво, в такт лошадиных копыт, колотились о доски безвольные кочаны голов.

Главный санинструктор старшина Бытов Пётр Григорьевич, ядрёный матершинник, душа лазарета, не сразу воспринял наставшую тишину, ощупывая взором молчаливый подъём на котором чернели слегка присыпанные порошей, как сахарной пудрой пасхальные куличи, трупы павших стрелков. Опомнившись, глянул назад: раненные с искажёнными, обезображенными страданиями лицами лежали вповалку, глядя на него невидящими глазами, точно подвели черту: Ну... вот и всё. Помираем, отец».

– Сто-о-ой! Хоро-ош! – Женька Степанчиков – фельдшер с незаконченным курсом медучилища из-за призыва на фронт, злобно обгрызая глазами крутой затылок возницы, на ходу спрыгнул с повозки, придерживая на груди трофейный «шмайссер». Гаркнул внове:

– Да, сто-о-ой, тебе говорю, чё-орт! Чую, где-то здесь рота нашего джигита...

З грохотом колёс возницы едва уловили крик, – дюже натянули обледеневшие вожжи.

– Санитары-ы, спешиться-а! Взять носилки! За мной, сынки! Кто последний – морду побью! – пыхнул своей прибауткой старшина Бытов, закусил вислый прокуранный до ржави ус, и ходко попёр в гору, ровно и не было ему полста семи лет.

* * *

...В тягостном ожидании санитаров капитан Танкаев смотрел, не мигая, широко открытыми глазами на близкое свинцовое небо. Комбат Арсений Иванович, вместе с оставшимися в живых стрелками его 1-ой роты, выдвинулся навстречу повозкам.

Траншея молчала. Молчал и Магомед. Могильная тишина обручем сковала плацдарм. Немцев не было слышно. Звенело в ушах от стеклянной пустоты. Притёртый до льдистого глянца локтями солдат край окопа, серое мочало неба, посечённый осколками – пулями немой лес, в котором до срока притаилась смерть...

Внезапный гортанный и близкий крик ворона точно вызволил Магомеда из чар колдовской ворожбы. Он поднял голову, увидел: воронёная, в чёрной металлической синеве оперения птица, поджав когтистые лапы, в беззвучном одиноком полёте прощально махнула крыльями,

будто напомнила: о тайном, седом и вечном, неизмеримо выше стоящем над миром людей... А чуть погодя, ожила и забурилась окопная линия. Тут и там послышались горячие голоса.

– Эгей, братцы!

– Заждались, перцы?

– Нут, навертели вы тут делов! Показали фрицам кузькину мать и с боку, и с заду, и с переду!

– Щас! Ща-а-с подмогнём! Держись, ребята!

Растресканные губы Магомеда надломила болезненная, но согревающая душу, улыбка. Чёрные контуры солдат медсанбата, наконец добравшихся до его позиции, отчётливо вырисовывались на мышасто-дымчатом фоне неба, а вместе с их очертаниями и голосами в сердце заколосилась надежда.

Осознав случившееся, он вдруг почувствовал неотвратимо подступающую терпкую радость – восторг и, скрипя зубами, дрожа напряжённой шеей, поднялся на встречу:

– Свои! Свои-и! Товарищи...

* * *

...Бытов первым спрыгнул в окоп, забежал наперёд разбитого вдрызг блиндажа, явственно ощутив под подошвой своего сапога ввалившийся жёсткий живот и пряжку ремня убитого немца. Крутанулся на месте, выискивая в полутёмном рве живые лица; всматривался в обгорелые, обшитые горбылём стены, дымящиеся развалины, чувствуя среди холода застывших на веки глазниц, живую теплоту глаз, моливших о помощи, уже отчаявшихся в своих мольбах и столах на выручку. Нашёл. Тут же склонился над взводным Лаптевским. «Боже ж ты мой! Мать моя женщина...»

На шее старшего лейтенанта, разваленной надвое, точно бензопилой, дымилась в багрово – розовом парная рана. Глубокий, хоть ладонь суй, длинный осколочный надруб-порез, обнажённое коленчатое горло в судорожье дыхания. «Родной ты мой... – покрытые седой щетиной бурые щёки Григорича смяло отчаянье. – И что ж прикажешь, мне старику с тобой делать? Одна молитва...»

Бытов снял с его головы помятую на взлобье каску, бережно приподнял офицера, прижал к груди. Прямо в глаза ему взводный направил мерцающий дикой болью зрачок, будто выжег: «Убей! Пристрели! Что ждёшь?» И на немой накалённый вопрос, яро крикнул Пётр Григорьевич:

– Жека, скорей! Морду побью! Пулей носилки сюда и двух человек!

В окоп спрыгнули санитары.

–Что тут, Григорич? – с налёту гаркнул Женька Степанчиков, округляя с наглинкой глаза. – Кого уносить? Ах, ты мать-перемать! – Его кошачьи зрачки встали торчмя. – Погодь, мужики, да это ж Лёха Лаптевский! Знаю его! Кипятком на станции поделился... Взводный из роты капитана Танкаева.

– Некогда годить, сукин ты сын! – насыпался на него санинструктор. – Держи, за чуб старлея! А вы, что стоите, олухи? Спирт, вату – бинты, йод! Пулей, мать вашу... морду побью! Жека, дош-щечку ему жеж зубов, чтоб язык в запале не отхватил от боли.

– Так, ведь, не жилец... Ему шов накладывать, что мёртвому припарки..

– Цыц, дурак, голова – два – уха. Я кобель нюханый со всех сторон, знаю, что говорю, – вдевая зяблыми пальцами в иглу – цыганку жилку, ворчал в усы Бытов. – Поглядел бы я на тебя, умника, как на евоном месте бы оказался, типун-то мне на язык. Рану промыли?

– Так точно.

– А ну, двинься, золотая рота! Крепче дяржи евось родного за чуб! – приказал старшина. – Дош-щечку придерживай. Нут, с Богом...

Треугольный кадык старшего лейтенанта затрясся на вишнёвой от крови шее, зубы впилась в деревяшку, оставляя вгрызины.

Рядовой Степанчиков сгорстил пятерню, чувствуя под пальцами и ногтями чёрствый свалвшийся в загустелой крови чуб. Из дрожащего горла раненного вырвался клёкот от садной боли. Женька отвернулся, чтоб не зреть безумно вытаращенных глаз.

– Терпи, терпи, мой хороший... Тю, тю-у, остуди... знаю, что больно, сокол ты мой... А как иначе? – Григорич ладно и споро зашивал сам. Спокойно и буднично, словно не человеческая плоть была под его калёной иглой, а телячья шкура. Искусный, мастерский лёг на рану шов, который трижды опоясал сетчатый бинт.

Страшные без дна глаза закрылись. Сам лейтенант поник плечами, обмяк, потеряв сознание. Женька по кивку Григорича разжал онемевшие пальцы, чувствуя между ними соплистые сгустки распаренной красной жижи.

– Ну, вот и ладно. До свадьбы заживёт, – удовлетворённо крякнул Бытов. – Укладывайте его касатика на носилки и айда – пошёл. А ты всё ныл, Жека, мать твою в зашей... Зинку ухověртку взять с собой, – весело мигнул старшина. – А хороша девка – товарищ санинструктор Зеленина.

– Тю, мил друг! Понимаю, супротив неё кто устоит? Корпусная баба, все богатства при ней! Одно слово – фигура! Эх, был бы я годков на дватцать помолодей... Как пить дать, добился бы ейной ласки... Владел.

– Что мурло-то воротишь, жених? И, как медкадр, она ценный товарищ. Многих бойцов в лазарете выходила, многих из под огня вытащила. Руки у неё лёгкие, как и ноги, да зад мешается бабе. Аха-ха-а, где ей с таким карданом в тесном окопе. Но, взяли носилки, холера вас разрази! Давай, давай, голуби, полетели с возвратом. Да скорей, мать вашу... Морду побью!

Пётр Григорьевич мельком проследил за санитарями и раз-два, уже шарил глазами далее по коленчатому лабиринту траншеи, тут же спотыкаясь на новых объектах. В разбитом снарядами рве, вжавшись в стены, понуро свесив головы, среди трупов своих и чужих, стонали раненные бойцы. Грязные, как черти, в пороховой гари: скулы носы и виски, впадины ключиц, чёрные и глубокие, ходившие в рваном дыхании; у многих из разверстых осколочных – пулевых ран на снег, на пуговицы, петлицы и лычки, на грубое, колючее сукно шинелей, на вещевые мешки и ремни – частила кровь. Мелкая дрожь волнила тела, сотрясая пахи и ноги умирающих, хватавших взглядом небо в последний раз.

* * *

Работа кипела. Чувства всех были напряжены, свёрнуты в тугую пружину. Нервы вибрировали, ощущая присутствие чего-то ужасного, неотвратимого, впрочем, что всеми ощущалось на войне, день за днём, уже тысячу раз. Это было Зло, разлитое по их Советской Родине, и сейчас оно ощущалось особенно сильно. Теперь, покуда враг выжидал, Оно стало физически ощутимым, словно превратилось в невидимую субстанцию, обволакивающую стены траншей, пойму реки, траурную полосу леса и холмистых склонов плацдарма, – издающую запах тлена и запёкшийся крови...

Все откровенно боялись контратаки гитлеровцев. Весть о том, что несколько западнее Шилово, за Острогужской дорогой, враг сконцентрировал свежие элитные штурмовые отряды и подтянул, (подавляющему большинству стрелков ещё неведомые) тяжёлые танки «Тигр» из 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх», – не хуже кипятка ударила из сердец солдат, шибанула в виски, в зазеленелые жилы, растапливая в них окаменелую, сгущенную кровь... И, право – дело, если стрелок на сей момент был в сознании и ясной памяти, как бы ни была тяжела его рана, всё в нём мгновенно взбурлило жаждой жить, сопротивляться, желанием уцелеть, вырвать себя, как зуб из гнилой десны, из этого гиблого рва, от бесславной кончины.

... Санитары, как угорелые, обливаясь потом, рвали жилы, сновали туда-сюда с парусиновыми носилками, укладывали раненных на повозки. Старшина Бытов по-обыкновению непристойно, но весело, с «завивом», ругался, без усталости на «живульку» штопал – перевязывал бойцов, подгонял своих, успевал при этом постреливать текучим, неуловимым взглядом в чёрное

провисшее пузо проплывавшей тучи, когда рядовой Черёмушкин, помогавший вместе с другими стрелками, санитарями, гаркнул, что было силы:

– Смир-рно-о!

– Вольно! – Впереди порывисто шёл комбат Воронов, в высоких яловых сапогах, в широких галифе цвета хаки, закреплённого за пехотой, и распахнутом полушубке. Он уверенно ставил в бурю слякоть крупные ноги, оскальзывался, вытягивал свободную руку, соблюдая равновесие.

Чуть позади, опираясь на приклад автомата, прихрамывал капитан Танкаев. У него сухо блестели глаза, упрямый рот дёргался в такт шагу, – острая боль, извивалась в плече, при каждом движении кусала, как злая собака, напоминала о себе. Боль, точно играла с ним, гнула-клонила к земле... Для раненного, капитан шёл ходко, но ему казалось, что он черепашит неизмеримо долго; насилуя себя, оглянулся, – шагах в семидесяти чернели веером обгоревшие колья и брёвна вражеского блиндажа, рядом с которым, он холодел битый последний час, то в беспамятстве, то в яви. От потери крови мутила тошнота, и он крепче по-волчьи сжимал белую кипень зубов, чтобы удержаться на ногах, не потерять сознания.

– А-ах, язвить тебя в гузно, Григорич! Н-ну зла на вас «бинты» не хватит! – перекрывая стоны и крики раненных, спустил чертей на старшину комбат. – Какого?.. Я спр-рашиваю, какого хрена, так долго-о?! Не видиш-шь, старый чёрт! Р-разуй глаза, старшина! – майор свирепо дрожа ноздрями, указал на заваленную трупами и ранеными траншею. – Ужас кругом! Товарищи бойцы на руках мрут как мухи... А ты! Ты-ы! Скажи на милость, ползёте, что беременные воши!

Женька Степанчиков от неожиданного напора начальства выронил пустые носилки, рукоятки брякнули о ствол разбитого пулемёта; на звук обернулся Григорич, избочив серебряную бровь, гаркнул с досады:

– Чего ворон считаем? Шевелите буханками, мать вашу... морду побью!

Старшина перевёл дух, хотел было начать сдержанно и отдельно, но, повернувшись к Арсению, снова завёлся с полоборота.

– А, ты, не тычь, не запряг! Погодь, погодь, майор! И без того тошно, потроха в узел сводит... Вижу, ви-жу-у, как нет?! Мать-то её чёртову сволочь наперекос!.. Да только знаешь ли, Арсений Иванович, что мы сами с ума сошли разыскивая вас? Ты разберись! Разберись, прежде чем матюгами обкладывать. Так точно. Верно рвёшь сердце, комбат – батяня. Но и меня старика пойми... Не вы одне тут, товарищ майор. Сами знаете, ваш батальон ещё левый фланг имеет...

– Так что же? – Воронов в сердцах отпнул пустой патронный цинк, и хрустя латунной скорлупой гильз, подошёл к старшине вплотную.

– Так вот, майор, я тебе не во гнев доложу, – голос старшины был дребезжащее – глух, – с твоими же бойцами ранеными, с того самого, левого фланга... Мы едва не влетели в горячке на своё же минное заграждение! Чёрт ли, леший попутал... Поди, разберись в сей мясорубке.

– Ну, и?! – Арсений скрипнул зубами, не в силах умерить кипящую злость.

– Оно-о! Вестимо что... Мина не тётка, зубастая сука! Одну лошадёнку в куски, ебитная сила!.. Передние ноги с пол мордой, как шашкой снесло... Брюхо вдрызг – квашня кишок, режь постромки и ворота прочь от лиха! Так кому я виноват? Рассуди путём, Арсений Иванович...

Комбат молчал, катая каштаны желваков под кожей, встревоженный услышанным, а более – надвигавшимся неведомым. Молчал, глядя в усталые – воспалённые глаза старшины, будто тщетно старался припомнить что-то ещё гнетущее в мыслях, не словленное, и вдруг скрепил:

– Ладно, проехали Пётр Григорич. Погорячился, был не прав. Но и ты, лешебойник, скалишься и пылишь, будь здоров. Палец в рот не клади, по локоть отхватишь. – Он отозвал старшину в сторону, что б ни стоять на пути санитаров. – Ты вот, что, Григорич. Обработай

рану капитану Танкаеву, а то наши с кондачка, на колене, как могли... Короче, заштопай как надо.

– Да не вопрос, Арсений Иванович. Есть подлатать, товарища капитана. Разрешите приступить? – Бытов расстегнул свою санитарную сумку.

Майор, окуная подбородок в ворот овчинного полушубка, согласно кивнул.

* * *

Рану промыли и обработали. И снова игла – цыганка в умелых руках санинструктора привычно загуляла вверх-вниз. Боль извивалась ужом. Особенно, когда ороговевшие клешнятые пальцы старшины касались края мякотной раны. Ощущение, будто к парной плоти, раскалённый уголь прикладывали. Но Магомед молчал. «Боль ты не зло», – вспоминал он старую, как мир, аварскую поговорку, которую часто повторяла их матушка Зайнаб, когда кто-нибудь из них, орлят, её сыновей: Гитинамагомед, Сайфула или он, Магомед, в детских ли играх, на скачках, во время борьбы, других ли соревнованиях, – разбивали в кровь колени или локти... Вспомнил и другую горскую мудрость, времён великого Шамиля и своего деда мюршида Гобзало: «Между друзьями и меч войны – из войлока», Но более остального помнил, что горец он, как и его достославные предки. Воин. Держал подо лбом – мужчина обязан преодолевать боль, если он мужчина. Не забывал из какого он рода... Что он командир Красной Армии и мужество, стойкость его – лучший пример для солдат.

Снова искусный, добротный шов лёг на рану. Ни звука, ни стоны не издал капитан Танкаев, лишь единожды заскрипел зубами, когда Григорич на совесть затягивал узлом нить, и щедро, для дезинфекции пропитал едким раствором фенола и йодом длинный штыковой порез.

– Гляди-ка, и впрямь, бытто не чует боли... Орёл, как есть, орёл, – восхитился Бытов. И, живо складывая своё хозяйство в кожаную сумку с красным крестом, почтительно тронул вопросом ротного:

– Однако, больно, товарищ капитан?

– Да не тут больно, старшина... – Магомед мрачно взгляделся в близкое, изгрызенное морщинами лицо санинструктора, прислушиваясь к собственному ослабевшему голосу. Как чужому. – Здесь больно, – он указал на сердце. – Никто не хотел умирать. Вай-ме! Всё, Григорич-ч... нет больше моей 1-й роты. Хорошо если взвод наберётся. Дошло-о? – И вдруг вспыхнул, как порох, полыхнув жгучим фиолетовым отсветом глаз:

– Что смотришь-шь, старшина, как баран на волка?

Где вас носило, пр-роклётых? Скольких ребят не спасли!..Э-э, чтоб тебя шайтан съел.

– Да говорю ж, сынок! – бледнея ржавыми конопинами скул, обиженно кудахнул Бытов. – Лошади с испугу, на минное поле занесли. Чуть было не подорвались до кучи, ко всем херам!..

– А надо б было... – Магомед борясь с ознобом, с горячим отчаяньем обвёл глазами траншею в две стороны. Его впалые щёки и скулы, схваченные тёмной дымкой щетины, заливала синеватая бледность.

Бытов, по-рачьи шевеля обвислыми усами, с сочувствием спохватился:

– Давайте провожу, товарищ капитан. Тяжко, небось?

– Я тебе баба, что ли? Сам допру, без костылей, – сквозь зубы процедил Магомед. – За рану и перевязку баркала тебе, Григорич. «Спасибо» значит по-нашему, по-аварски.

Он попытался нагнуться за автоматом, но не смог, с опаской чувствуя, – упадёт и не встанет.

Бытов подсобил, поднял – подал ППШ, помог офицеру подняться.

Пошли. Но с каждым шагом всё тяжелее обвисал на руке старшины обескровленный капитан. У коленчатого поворота траншеи, что вела к немецкому доту, а теперь к команд-

ному пункту комбата, остановились. Перевели дух. Танкаев цепко ухватил Бытова за стёганный рукав телогрейки, прохрипел, редко клацая зубами:

– Здесь оставь меня, старшина. Дальше сам... со своими бойцами дойду... Рана неопасная, в руку меня скобленило...

– Не скажи, командир, – покачал головой Григорич. – По состоянию твоему, равнёхонько в голову. Вот, что! Не геройствуй чжигит! Хотя день другой. Дай организму-то передышку... От кабалы – изнури и коньдохнет. Чай, не железный? Другой бы раз – радёшенек в тыловом лазарете забыться...

– Я не «другой»! Не тыловая крыса! Р-раз и навсегда уясни!

Видишь-шь это? – Магомед и в шутку, и в серьёз сдвинул молнии чёрных бровей, сверкнул глазами по кинжалу отца, что висел на поясе, под распахнутой шинелью. – Знай, горец его не для красоты носит, но для защиты чести и имени. Дошло? Отойди, старшина. Не то разом спихну с копыт. Сказал же... сам, без костылей дойду.

Бытов прикусил язык. Видел намертво сомкнутые капитановы пальцы на автомате, гневную морось нижней губы, чернильно – золотое дрожание яростных немигающих глаз. Отступил на два шага, отдал честь, будто сказал: «Как знаешь, капитан. Я предупредил. Смотри, не пожалей...»

Магомед ещё мгновение хмуро молчал, стоял, как вкопанный, повернув голову на ветер, раздувая по-волчьи ноздри, не смыкая медных век, вглядываясь во вражью сторону, которая подозрительно продолжала молчать, скрытая за смуглыми перьями сумерек и серым цинком, бродивших туманов. Затем без слов повернулся и, припадая на левую ногу, опираясь на приклад, упрямо побрёл вслед за солдатами, курившиеся паром спины которых, тянулись гуськом вдоль окопа.

– Ну – но... – едко усмехнулся Григорич, заправляя в рот горький от табачного дыма ус, царапая взглядом, то ковылявшего капитана, то чёрную наледь земли, впитавшую солдатскую кровь, у своих сапог. – У-у, чёрт нерусский! Тьфу ты, ну-ты, хрен с горы! Гордый не докричишься. Кремнистый не подступись. К нему с добром... С душой нараспашку, мать – перемать, а он всё. Как дичок, зубы скалит... Во всё подвох, червоточину видит. Думат, поди... – кто-то хочет уесть его? Особый он, что ли? Хм, так мы все теперь, извини – подвинься, советский народ. Одна большая семья, ебитная сила. По мне, что русак, что киргиз в нашем полке, пусть-дагестанец! Те же две руки, две ноги... Та же голова на плечах...

– Всё так, Григорич, только кровь другая. Вот закавыка, как ни крути.

Старшина обернулся на голос. Перед ним стоял, нагнавший его Арсений Иванович. Мимо быстрым шагом прочавкала, звякая оружием, группа солдат. Следом мелькнули выбившиеся из сил санитары. Жека Степанчиков на ходу корябал ногтём, угнездившийся меж пушистых бровей, юношеский прыщ «хотюнчик»; отдувался от тяжести носилок с ранеными, вконец испарившись в беготне туда-сюда, в толстой, с чужого плеча, долгополой шинели. Трофейный шмайссер, что болото у телка, раскачивался на его красной шее.

Григорич раскрылился, как тетерев перед взлётом, хлопнул с досады руками по бёдрам, сорвался на мат:

– Твою Бога душу... Ну, что за порода такая! Гремучий, как этот ну как его? А-а, шайтан!

– Отставить! Хороший ты мужик, Пётр Григорич, но та ещё повидла... кто вырос в горах, на равнине – лягается. Слышал такое?

– А мне-то, на кой хрящ, это знать?

– Отставить. Эх, ты... пустяковая душа. А ещё в эшелоне Интернационал вместе пели! О братстве всех народов тему вели с Мишкой Танкаевым... Ты коммунист или как? – комбат пытливо заглянул под каску Бытова.

– Да, уж стар я... для этого дела, товарищ майор. Уж как-нибудь так доживу, ежели фрицы не хлопнут.

– Но с медициной-то связан? Любишь своё ремесло?

– А то! – вскинул брови Григорич.

– А «то»!..Что тебе, сам знаешь кто, – Арсений мазнул взглядом небо, – велел в душах людей разбираться. Гибкий, гуманный подход иметь.

– А я, чо ли, со злом да с ядом, к товарищу капитану?! Наше дело мелкотравчатое, санитарское. Облегчить, помочь...Доставить до пункта...А там уж врачи, – другие ступени, нам не доступные...На то они и врачи – доктора... Учёные против нас...

Они продолжали уже на ходу, стараясь не отстать от своих. Но в старшину, будто бес вселился, крутил его изнутри, втыкал и занозил душу колким щепьём противоречий.

– Тю, холера ясная! Будет он тут вычибучивать. С лазаретом нельзя так! К лазарету от веку с почтением все: и рядовой, и начальник.

– Я смотрю ты, не уймёшься, брат? Скажи на милость, – генерал Козьявкин – страх да и только! Ха-ха...

Старшина возмущённо цвиркал сверчком, гоня воздух между щелястых зубов, морщирил обмяклые в красноте складки у глаз, но гнул своё.

– Ишь чжигит нашёлся...Сунул ерша за пазуху! Погодь, выьем немца, мать его курву, вот тады поезжай в свои горы и чжигитуй...там и нарубишься!.. Там вашего брата свои же абреки скоро объездут...

– Тебе что, Григорич, зубы жмут? – комбат Воронов, рибавляя шаг, улыбался краем рта. – Гляди-и, мой кунак дюже горяч и на руку быстр. А как, ты хотел? Аварец из Урады?

– Э-эх, Григорич, не в обиду...Фриц, кося сажень в плечах, – не чета тебе, тоже скалил зубы на капитана...Ножи в ножны – сошлись они здесь.

– ? – старшина нервно дёрнул мятой щекой.

– Так был зарезан баварский свин...И хер бы ты его сложил. Как не старайся. Заруби себе на носу, старшина, – глаза майора сверкнули строгой решимостью. – Родину, партию, Советскую власть и товарища Сталина, – он любит не меньше нашего! Сам видишь, жизнь за это...готов отдать. Коммунист. Воин, одним словом. Понял мою мысль?

«Тьфу, с дурру, как с дубу! Не приведи Господь...– услышал Григорич собственный голос, который показался ему загробным, пустым, словно говорил он со дна могилы. – Мать-то вашу через прыщ...» Он судорожно шарил в голове, разыскивал в ответ тяжёлые булги слов, чтобы ломать, крушить ими...Ан, слишком весомы, крепки, как броня, были доводы батальонного командира. И вместо обычной, находчивой словесной «рогатки», Григорич – палец в рот не клади, – с горечью ощущал, как мелкой галькой, бренчат на пустом дне его разума, хлипкие возражения, а в голове, путаются выхолощенные, скользкие, как угри, мысли.

Он продолжал идти за комбатом, обжигаясь потом, тяжело дыша, костеря себя отборными матюгами, но и только. Спешившие впереди, с последними ранеными, санитары круто свернули к реке, будто подали знак старшине, выбили его из состояния дурного «похмелья». И эта удача дала ему возможность встряхнуться, оправиться, и на другом шаге, дивясь самому себе, чувствуя необычный прилив сил и ражий подбор ядрёных отточенных слов, он вспыхнул и, хороня под внешним спокойствием крапивный зуд возбуждения, ладно ответил с солдатской хваткой и простотой:

– Будем живы, поглядим, товарищ комбат. Точно так. Понял я вашу мысль. Но, как на духу! Прикажете товарищу капитану прибыть в лазарет. Как бы удар его не хватил. Уж, шибко большая потеря крови. Ветром шатает вашего кунака. А впереди бой, мать-то его наперекос...

– И, потеряв, друг о дружку озябшие, бурые пальцы, похожие на облитые вешней водой узловатые корни, он озабоченно буркнул в усы. – Нут, я под яр, к лошадям, до своих, товарищ майор. Раненые...Смерть, она сука не ждёт!

Глава 4

...Порывы ветра с неприятельской стороны хватали Арсения Ивановича за полы армейского полушубка, вышибали из глаз слезу. Он шёл среди молчаливой цепи уцелевших солдат и младших командиров, которых следовало укомплектовать подвезёнными с левого берега боеприпасами, срочно перегруппировать с расчётом свежего подкрепления, успеть грамотно, определить и занять новые – лучшие позиции, перед контрнаступлением немцев.

Он шёл среди бойцов своего обескровленного батальона, которых, как и его самого, возможно, уже скоро ждала смерть, и ему казалось в высоте, над ними, повторяя их путь, тянется, ещё покуда незримая в этот час, туманная млечная полоса, как точный слепок, как их отпечаток на небесах.

– Подтяни-ись! Почему отстаёшь, замыкание?! – комбат услышал застуженный, раздражённый голос замком взвода Савенкова. Услышал и уж в который раз изумился: «Надо ж, что делает с нами война? Случись-ка в мирное время людям попасть в ледяную реку, перейти её в брод, а потом окопаться в слякоте и лежать в ней талой ледышкой, – верная смерть. Но, чёрт возьми, как мобилизует война! Какие она пробуждает в человеке немыслимые силы! Какую свирепую жажду к жизни! До каких пределов возможности...»

– Быстрее! Быстрее шевели ногами пехота!

Тут и там, сзади и спереди, хлюстала под ногами весенняя грязь; глухо позвякивали, сталкиваясь с пружками амуниции, диски – стволы автоматов, винтовок.

– Посто-роо-ниись! Братцы, дорогу-у!

Мимо, вдоль насыпи, пригибаясь к земле, бежали гончими, два легконогих связиста, с дощатыми бухтами чёрного телефонного провода на плечах. Как тянет паук свою судьбоносную клейкую нить, бойцы прокладывали новый кабель с правого фланга на левый, в центре которых находился его, Арсения Воронова, врытый по «брови» бетонный командный пункт. Это было архиважное дело. Связь с ротами и ставкой комдива Березина во время боя была прервана подчистую. Связисты убиты. Снаряды и мины врага во многих местах посекали – перебили кабель, а в двух местах вырвали шестиметровые клочья провода, не подлежавшего восстановлению.

– Живей! Живей, товарищи бойцы! Нам ещё возвращаться!

...Отчётливо видимые в полевой бинокль и перископ, безглазые руины жилых кварталов восточной части города, исчезли за горбатым холмом. А чуть погода, скрылось и далёкое огненное зарево в четверть неба, похожее отсюда, с берега реки, на пунцово-рдяной гребень петуха или спелый ломоть арбуза.

Они спешно выбрались из тесного лабиринта траншеи; здесь под прикрытием природного земляного вала можно было не опасаться пуль вражеских снайперов. Под сапогами гремливо и сыро замякал оттаявший щебень. Прежде здесь проходила ветка подсобной узкоколейки, посредством которой, на совхозные свинофермы, телятники, коровники, подвозился силос, комбикорма, а так же уголь, дрова для кочегарок.

Теперь – одни пепелища – развалины... не было так же ни рельсов, ни шпал, – одна железнодорожная насыпь изрытая воронками бомб и снарядов, усыпанная гильзами и осколками, не весть откуда взявшегося здесь стекла. Тут и там, по всей прифронтовой полосе были видны подбитые танки, пушки, перевёрнутые повозки, обугленные чёрные остовы автомашин...

...Шли по твёрдому следу железной колеи, тревожно вглядываясь в ползущие – плывущие над землёй, разрушенными постройками, лесом, прогорклые дымы... В сыром воздухе помимо солянки, бензина и пороховой гари, чувствовался запах мороженого железа, обгоревшего трепья и человеческих костей. Где-то ниже по склону, у леса дичало завyla бродячая собака, – протяжный, заунывный вой, похожий на волчий¹. Он перекатывался из дола в дол,

наливаясь холодной, хищной яростью, и, как тупой буров, сверлил уши. И без того накалённые нервы солдат, натянулись до звону. В голове в эту минуту, какой только не лезло химеры и чертовщины. Кое-кто из молодых, суеверных, внимал эту выть смерти, оледенев душой, ощущая мелкую дрожь своих пальцев, сжимавших ремни оружия. От неё веяло могилкой, и душу, право, забирало большей жутью, чем от привычного свиста пуль или надсадного визга шрапнели. Всё так: оголённые нервы были напряжены до предела, но присутствие старших, бывалых товарищей, боевых командиров, стыд за своё малодушие и верность солдатскому долгу, делали своё дело и брали, конечно же, верх.

– Не отстаём! Не отстаём, Воробьёв! Яршин! Подтянись, улита! Пуля по тебе плачет... Живей, ребята, мать вашу! Красноармейцы вы?! Или тётки на сносях! – затрубил горластый и шумоватый старшина Рябов – престарелый, беззубый вояка, весь, как матёрый лис – лисович, побитый седой остью. Его родительский глаз горел – дозорил заботой и беспокойством о молодых солдатах, точно это и впрямь, был его собственный выводок, который он, как родитель, спешил укрыть от враждебных глаз и напастей в надёжной, скрытой от всех норе. – Нажми, наж-ми, сынки! Ну, поторапливайся, служивые, поскорейча! Того и гляди, немчура зубы покажет.

...Исподволь накапливались сумерки. Подморозило. От ленивого изгиба реки, пресноватый и влажный, подпирал ветер. Впереди показался КП. «Наконец-то!» – с облегчением выдохнул Арсений Иванович. Обратный путь ему показался вдвое длиннее.

– Подходим, братцы! Ишь подгорелой кашей прёт и табаком! – радостно вызвонил ездовым бубенцом молодой голос рядового Черёмушкина.

И правда, – навстречу их куцим взводам вышли такие же куцие группы защитников левого фланга. Мелькали бушлаты и телогрейки разведроты, но в массе преобладали – солдатско-офицерские.

...воронов привычно, не сбивая ноги, месил растолчённую снежную хлябь, цепко вглядываясь в лица обгонявших танкаевскую роту людей. Сбоку от дороги, вырвавшись вперёд, прошли командир 2-го взвода младший лейтенант Шевчук и ладный, как рукоять пашки, замполит Колесников, принявший под своё начало остатки 4-ой роты, погибшего командира Валерия Дерябина. Уже на подходе, комбат приметил, опиравшегося на автомат, капитана Танкаева, в распахнутой шинели и сбитой на затылок фуражке. Приметил и на память сразу пришла «оконцовка» их последнего душевного разговора. Горячие, как угли, полные настойчивой, нестигаемой воли и убеждения слова кунака – дагестанца:

– Товарищ майор, вы меня в деле не берегите! А то...какой к шайтану толк в нашей дружбе?

– Спасибо, Миша. Спасибо, капитан. – Комбат крепко, с чувством благодарности и боевого офицерского братства пожал его здоровую правую руку. – Видит Бог, другого от тебя услышать и не ожидал. Ты, на меня также надейся. «дружба дороже денег, сильнее смерти», – ведь, так говорил твой отец Танка? Верно?

– Так точно, товарищ майор. Вах! Большое горское спасибо, брат, что всё это помнишь. Сердцем хочу сказать, Арсений Иванович...Клянусь, ты настоящий человек! Пуст Небо отблагодарит тебя долгой счастливой жизнью. Вэд, ты... ради меня... под пулями, прибыл на правый фланг? Поддержал...

– А то ради кого? – тонко усмехнулся комбат и с нарочитой строгостью погрозил красным рубчатым пальцем. – Но ты, не зазнавайся, герой. Скажи на милость, разве, один эту высоту брал? Или кто то рядом ещё был?

Широкая, обезоруживающая белозубая улыбка, осветила лицо Магомеда:

– Так точно. Хор-рошие слова сказали, товарищ майор. Оч-чен правильные. «Один в поле не воин. Гора не нуждается в горе, а человеку без человека – не быть», – говорят у нас. Э-э, что бы я сделал одын, без своих ребят? Иайй! Жаль полегло их...немеренно.

– Сам говоришь: могилы героев – не на кладбище! – Комбат резко повернул широколобое, напряжённое лицо, вспыхнул камышовой зеленью глаз.

Магомед выдержал жёсткий взгляд, кашляя, с хрипом отхаркивая мокроту, ответил. – После смерти коня остаётся поле, после смерти героя – имя. Мстит будем, товарищ майор! – Огненный, полный испепеляющей ненависти взгляд, будто пуля, обжёг скулу комбата. Страшно мстит будем. За каждую слезу женщины, ребёнка... Смерть фашистскому зверю!

– В цель! В десятку твои слова, Михаил! Мстить – до последнего патрона, до последнего вздоха! Так, чтоб земля и камни горели – плавилась под копытами этих нелюдей! Мы не вправе забыть имена наших погибших фронтовых товарищей. Забыть их боевой путь к бессмертной славе.

Но, ты, не тужи, брат! Не одним фашистам чужие шкуры дубить. На Россию – матушку какой только сволочи – погани не рвалось! Ан каждый был – мордой в землю воткнут, на лопатки брошен. Не тужи, Михаил! Будет возмездие! Будет Победа! Но и другое должны мы помнить с тобой... Весь советский народ должен помнить, – багровая краска облила щеки Арсения. Он перехватил пылкий взор Магомеда, жадно хлебнул талого воздуха и негромко, веско сказал. – Когда фашистов не будет и в помине... Когда мир настанет, светлые, добрые времена придут... Дома строить будем... Свадьбы справлять будем... Жёны наши детей рожать... Потомки помнить обязаны, какой ценой, какими жертвами – далась нам эта великая Победа. В этой страшной, священной войне. Так-то вот, Миша, – дрожа ноздрями, Воронов опустил глаза. – Свято помнить обязаны, на века. Не забывать, но главное не допустить новой!

Оба сурово молчали, сосредоточенно слушая бойкую весеннюю капель. Э-эх, раззудись душа молодецкая! В иные бы годы, да эту веселицу капель – усладу сердца! Но теперь... на душе было черно – непроглядно. «Война» – в этом проклятом слове, разложи его на слоги, отчётливо слышалось и читалось: «вой народа», «народный плач».

Комбат поделился «Казбеком». Чиркнули нагретыми на груди спичками, закурили. Над грязными, в серых разводах касками залохматился зыбкий табачный дымок. Под конец перекура, майор со вздохом подвёл черту:

– Да, брат... Убить всё Зло, мы покуда не в силах. Но кое – кому, на этой безымянной высоте, руки укоротить – сможем. Потому, товарищ ты мой, дорогой капитан Танкаев, делай, что нужно. Родину защищай. Ну, а всё остальное потом...

– Небом клянус! Родительским очагом клянус... Это чест для меня. Разрешите, к своей роте...

– Будь, капитан.

– Будь, майор.

* * *

– Товарищ генерал, быстрее! «1-й» на линии! Срочно! – подхватывая на лету. Сброшенный полушубок комдива, вторично выпалил, выбежавший навстречу из штаба. Адьютант Касаткин.

... Последний отрезок пути к КП, через двор, запруженный баррикадами телег и повозок, Березин не шёл, а бежал. Внезапный грохот случившейся канонады, за рекой, южнее плацдарма, частые вспышки осветительных ракет и, шарившие небо и берега, лучи прожекторов, враз натянули нервы. В памяти мгновенно выжглась картина вчерашнего экстренного совещания командиров, которое возглавлял, приехавший на чёрной «ЭМке», ещё живой – невредимый комдив генерал-майор Андреанов.

Отблески хищных, прожорливых лучей вражеских прожекторов, невероятно мощных, – долетавших даже до левобережных позиций 472-го стрелкового полка, под разными углами рассекали фиолетовую тьму, вонзали в лица и груди солдат, отточенные мгновенные иглы. И когда зрачок генерала встречался с отблеском луча и лимонный, гранатовый или белый укол

пронзал глазницу, он всякий раз испытывал болезненное ощущение, будто световая игла наносила ожёг сетчатки его глаз, проникала в мозг, вызывала головокружение и галлюцинацию.

...Взбегая по ступеням крыльца, вчерашнее совещание от «а» до «я» – молнией пронеслось перед мысленным взором Березина.

* * *

...В тесном зале собраний, с низким, давящим взор потолком, стоял крепкий, хоть ножом режь. Запах сырой кожи: сапог, ремней, офицерских планшеток и кобур, пропитанных потом гимнастёрок, и вездесущего табака.

Во главу составленных «Т» стволов, твёрдым, во всю ступню, командирским шагом прошёл чуть сутуловатый комдив Андреянов, сопровождаемый дивизионным комиссаром Черницыным. Генерал отодвинул свой стул, уселся, жёстким движением положил на стол защитную фуражку, красневшую рубиновой звездой, пригладил ладонью залысины волос и, застёгивая пальцами правой руки пуговицу на боковом кармане полевого френча, немного перегнулся в сторону Черницына, что-то говорившего ему.

То комдива Андреянова, сидевшего в центре, по обе стороны рассаживались командиры частей.

Березин слышал, как Валерий Степанович Черницын снова вполголоса что-то сказал Андреянову, посмотрев на ручные часы.

Тот коротко прищурился на собравшихся, остановился на полковнике Березине, занимавшего место против него, и откашлявшись в кулак, твёрдо сказал:

– Я думаю, время начать. Итак, товарищи офицеры, прошу внимания! Как вам известно. Вчера на рассвете, полк товарища Березина вышел к реке Воронеж...И, по моему приказу, попытался форсировать её. – Комдив взял паузу, катнул желваки под кожей; затем гордо откинул голову и, скрипя кожей ремней, привалился к спинке стула. В установившейся тишине вновь четко и твёрдо зазвучал его низкий, с осенним тусклым тембром, голос:

– Что ж, мы столкнулись с тщательно подготовленной, большой обороной противника. В итоге: попытка форсировать р. Воронеж с ходу – закончилась неудачей. Спокойно, товарищи! Будем смотреть правде в глаза. Да, да, полковник Березин, именно так. Взята первая линия неприятеля...но и только! Пришлось вернуться на исходную позицию на левом берегу. За исключением трёх неполных стрелковых батальонов, сумевших зацепиться за правый берег. Я правильно информирован?

– Так точно, товарищ генерал – майор. – Комполка Березин, до сего момента мелко барабанивший пальцами по крышке планшета, энергично поднялся, поднял уроненный взгляд и так же твёрдо ответил, – только с одной существенной поправкой, товарищ комдив. Разрешите?

В его сторону быстро пополз шупающий взгляд генерала. Дёрнув углом рта, потянулся к графину и жадно выпил, вовремя налитый – поданный ему Черницыным, гранёный стакан воды. Комдив будто заливал огонь, охвативший его нутро.

– Слушаем вас, Семён Петрович, – желая поддержать полковника, учтиво вклинился дивизионный комиссар.

– С вашего позволения...Цена этой, так называемой вами, товарищ комдив, «зацепки», – смерти двух командиров батальонов – Дерябина и Худякова. Массовая гибель солдат. Из трёх батальонов, штурмовавших плацдарм...остался один! Который, по моему приказу, возглавил командир, 3-го батальона майор Воронов, дав в помощь ему – комроты капитан Танкаев. Других офицеров, кроме четырёх взводных, из бывших двадцати семи...мы – потеряли! Там на высоте, за рекой, – Березин давясь полынным комом в горле, упирая накалённый взгляд в Андреянова, окреп голосом. – Все, как один, ждут от нас...

– Об этом позже, полковник! Садитесь. У нас не агитмитинг! – властно обрубил комдив. Его раздражение, граничившее с гневом, от доклада Березина, было налицо. Он бегло оглядел лица собравшихся командиров, заметил: комиссар Черницын хмурится и темнеет скулами,

начштаба Иванчиков глаз не поднимает от стола, замком полка Грачёв нетерпеливо порывается что-то сказать. Выждав паузу, комиссар тихо шепнул: «Продолжайте, Владимир Ефремович!» И генерал Андреянов, словно ждал этого, сурово продолжил:

– Так вот, товарищи офицеры, довожу до вашего сведения. Фронт нашим участком не ограничивается. Мы сдерживаем правого и левого соседа... И, чёрт побери, топчемся на месте уже почти сутки. Сут-ки! А вы мне, понимаешь, тут турусы на колёсах...разводите! Какие решительные действия применяются, чтобы исправить это положение? – комдив снова повернул в сторону Березина разгорячено-багровое лицо, выкрикнул, уже не тая горклой злобы:

– Что вы мне прикажите докладывать командующему Фронтом? Молчите, мать вашу... вояки! Так, кто это зло вокруг заводит? Ответственность за неудачу, хотите сбросить с себя? Не выйдет! Погоны сбросите, так и знайте! Молчать! – он брызнул на всех сразу серыми картечинами глаз, и, не встретив более возражений, уже ровнее продолжил. – Не сегодня, завтра...Наша 100-я стрелковая дивизия получит пополнение боеприпасами. Эшелон, как мне доложили, прибудет на узловую станцию «Анна». Что, кстати, близко и удобно для вашего полка, товарищ Березин...Но затруднительно для остальных частей дивизии, позиции которых на правом берегу Дона, близь Петропавловки. Так вот, кроме боеприпасов, – наливая голос свинцом, продолжал генерал-майор Андреянов. – В помощь нам приданы танки. Один батальон, из числа этих машин, и новый, полностью укомплектованный стрелковый полк, по всему завтра...Крайний срок к вечеру, прибудут в ваше распоряжение, Семён Петрович. Так, что вы не забыты командованием, ха-ха...Не бедный родственник. Будете во все оружие, как говориться.

– Ну, а пока, – вновь вставил дивизионный комиссар, – силами, закрепившихся на правом берегу стрелков и батареи дальнобойных орудий капитана, – натужено вспоминая весёлую украинскую фамилию последнего, осёкся Валерий Степанович.

– Порабудько, товарищ дивизионный комиссар... – живо нашёлся начштаба полка.

– Вот именно Порабудько! Любой ценой удерживать стратегически важный плацдарм и отвлекать от наших основных сил – противника. Комбату Воронову и ротному Танкаеву будут приданы четыре противотанковых орудия ЗИС-3. Эти новые пушки, недавно поступившие на вооружение нашей Красной Армии – чудо! – доложу я вам, – комиссар, севший на своего любимого «конька», сиял, как надраенная медаль. – Имеют высокую начальную скорость снаряда, скорострельность и настильную траекторию. А стало быть...

– Так вот, товарищ Березин, – громогласно перебил Черницына комдив. – Эта батарея старшего лейтенанта Мартынова должна быть немедленно переправлена на ваш злосчастный плацдарм в помощь бойцам. И, что б в этот раз, – без осечек!

За столом оживлённо задвигались головы, будто окружя подсолнухов, расталкиваемые ветродуем; набряк гомон одобряющих голосов.

Подполковник Березин молчал, устало нагнув голову. Его прочувствованно, хлопал сзади по плечу старый приятель, замком дивизии Томенцев, высокий с чапаевскими усами бывалый офицер, с двумя орденами Красного Знамени и парой Отечественной войны на груди.

Офицеры оживились ещё больше, защёлкали замками своих командирских полевых сумок, зашелестели картами, когда генерал Андреянов, решительно поднялся из-за стола и, отёрнув защитного цвета шторы, остановился возле оперативной карты; на последней была изображена пересечённая лентой реки, дорогами, холмами, оврагами – местность, между восточной частью города Воронежа и Острогжска, прочно и основательно занятого неприятелем.

– Я повторяю, полковник, – указка Андреянова перечеркнула голубую ленту реки. – Вы, как только подойдут резервы, с основными силами форсируете реку. Несколько южнее, захваченного плацдарма. Вклинитесь вглубь вражеской территории на километр, полтора...и ударите в правый фланг немцев, в районе малого населённого пункта Чижовка. – Указка, как

шпага, хищно клюнула своим жалом в Чижевку, окольцованную бордовым жирным пунктиром. Намусоленные химические карандаши командиров незамедлительно отметили на своих картах заданную цель и координаты. – Два батальона из резерва, под началом подполковника Филатова, при поддержке танков майора Смирнова, – форсируют водную преграду выше по течению. Отметили? Направление – Сомово. Задача группировки Филатова и Смирнова: врубиться в оборону гитлеровцев возле городского железнодорожного узла и завязать бой. Максимально отвлечь на себя его внимание. Заставить оттянуть часть войск с фронтальных позиций, расположенных против захваченного нами плацдарма на правом берегу. Получив сигнал – две красные ракеты, мы всеми орудийными стволами поддерживаем батальоны. Повторяю, всеми орудийными стволами! – раздувая ноздри и сводя брови, рубил, как саблей, указкой комдив. – Затем открываем массированный огонь по немецкой обороне второй линии и в штыки! – переходим в решительное наступление, соединяемся с батальонами. Затем, расширив плацдарм, выходим с юго-восточного направления к г. Воронеж. Что, собственно, и является главной целью наступления и общей задачей Воронежского фронта. Такова тактика наших действий. План утверждён ставкой командующего 40-ой армией генерал-лейтенантом Поповым. Вопросы?

После малозначащих уточнений и краткого обмена мнениями с дивизионным комиссаром по вопросу о моральном духе солдат, генерал Андреянов, наваливаясь грудью на край стола. Повторил:

– Так есть ко мне предложения, товарищи офицеры?

– Разрешите? – Березин первым нарушил молчание.

– Надеюсь, вопрос по существу, важен для всех? – комдив пытливо посмотрел на поднявшегося командира полка.

– Особенно для тех, кто окопался и держит обоону за рекой.

– Ну, и? – едва умолк Березин, возвысил голос Черницын. – Что же вы молчите, Семён Петрович, мм?

– Товарищ генерал-майор, – Березин тщательно подбирал слова. – Приказ ясен, но... из четырёх противотанковых орудий, о которых шла речь... Два орудия разбиты при переправе...

– Два-а?! – комдив дрогнул потемневшими скулами. – Как два? Да вы, что... с ума сошли?

– Я докладывал вам... Немец осветил нас прожекторами. Это чудо, что майор Воронов и капитан Танкаев, вообще, сумели там удержаться...

– Хватит «Чудес»! Сыт! – взорвался комдив. Ему надоело раз за разом наткаться на простую, окопную броню березинских ответов. – Свои беды превращайте в победы, полковник. Что с двумя другими орудиями?

– Цели, товарищ...

– Они переправлены?

– Так точно. Перед вашим приходом. Ждали темноты.

– Чёрт знает что! – Андреянов сцепил руки в замок.

– Потому я прошу... дополнительных огневых средств. – настойчиво повторил Березин. Бойцам не выдержать танковой атаки врага.

– Почему, начштаба дивизии не счёл нужным меня поставить о сём в известность?! – командным голосом грянул комдив, рубя ребром ладони по столу, как палашом.

Большинство офицеров одеревенели лицами, накрепко сомкнув рты. Столь велика была наступившая растерянность, что несколько секунд все молчали, как замороженные, не без тревоги, глядя на побледневшее лицо начштаба Иванчикова.

– Не успел, товарищ генерал, – гремя стулом, поднялся Иванчиков. – Только с передовой. Сам ничего не знал.

Комиссар Черницын придержал комдива за рукав, глядя в его лицо, примиряющее сказал:

– Остепенись, Владимир Ефремович, не картошку копаем... Полагаю, мы эту проблему решим.

– По-ла-га-ешь? – Андреянов, близко придвинувшись к Черницыну, горячо шепнул: – Или уверен?

– Уверен. Да! Придётся взять взвод в артолку. Вы же сами информировали нас... Эшелон не сегодня, завтра придёт на станцию «Анна». Да, Владимир Ефремович, придётся. Иначе, сорвём задуманное. Люди там... Не очистки.

– Ну, что ж, гуманист, убедил. Но помни, Валерий Степанович, побед без потерь не бывает.

Комдив делово поднялся.

– Итак, подведём итог. Все оповещены насчёт боеприпасов. Надеюсь, как только придёт эшелон, командиры частей лично займутся комплектацией. Решат вопросы с подводами, лошадьми. На этом всё. Мне ещё надо побывать на заставах. Время не ждёт. Товарищи офицеры, прошу вас немедленно заняться своими обязанностями. Все свободны.

* * *

1-ая рота собралась целиком, вернее то, что осталось от неё, после атаки вражеского плацдарма. От бывлой сотни – четыре десятка стрелков, из которых больше дюжины смотрели на мир и на него, ротного командира, из-под красно-бурых бинтов и повязок.

Старшина и сержанты – все бывалые дядьки, заменившие убитых взводных, перед тем, как встать в строй, с марша наскоро подбегали к Магомеду Танкаеву, совали чёрствые краюхи ладоней, тревожно вглядывались при свете керосинового фонаря в его чуть смуглое, кавказское чекана, твёрдое лицо, называли: то «товарищем капитаном», то «ротным», то «Мишей», но положительно во всех голосах одним тоном звучал искренний товарищеский, едва ли ни семейный, тёплый привет.

– Как вы, товарищ капитан? – старшина Рябов, тот самый беззубый ветеран, чей волос, как у матёрого лисовина, был покрыт рыжей проседью, всматривался в медное лицо командира, с тонкой переносицей, чёрными крылатыми бровями.

– Терпимо, как видишь. Живой отец. А где старшина Трофимов? – Магомед чиркнул взглядом по притихшей шеренге.

– Иван то? С третьего взводу?.. Так его, с рядовым Косых... кажись, последним видел сержант Петренко. Прикажете, кликнуть сержанта? – Рябов, приоткрыв чутка рот, жадно внимал ему, ожидал распоряжения. – Отставить. Потом. На дне терпения – оседает золото, – разбавляя напряжение минуты, пошутил Танкаев, приобнимая старшину – ветерана и похлопывая его по плечу, на котором, как костыль с рыжим прикладом, ледел ППШ. – Становис в строй, Ермолаич.

– Есть в строй.

Точно так, держались в двух шеренгах и остальные стрелки. Капитан на секунду задержал взгляд на своих бойцах. Перед ним, как рябиновые бусы на нитке, тянулись молодые, не по годам суровые, повзрослевшие лица: похудевшие, утомлённые, с тёмными подглазьями, но с блестящими, живыми глазами, накалено и преданно озиравшими своего любимого командира. Цепкие пальцы, перепачканные окопной кровью и грязью, ружейным маслом и пороховой гарью, крепко сжимали оружие.

– Рота, ровняйся! Смирно-о! Равнение на середину! – замком третьего взвода сержант Андрей Петренко, прочавкал строевым шагом, замер в трёх шагах, отдал честь ротному командиру. – Товарищ капитан! 1-ая рота, 3-го батальона, 472 стрелкового полка, в составе 47-ми человек построена...

Капитан Танкаев, с трудом скрывая тошнотворную слабость, молча и гордо, наблюдал за своими храбрецами. Видел в сиреновом дымном сумеречье, как при его появлении засверкали решимостью глаза, выживших бойцов, как расправились никлые плечи, а кулаки крепче

стиснули ремни автоматов – винтовок. Испытал при этом терпкое чувство гордости за своих солдат и, согревающее тепло, получив его из преданных старых и молодых глаз.

Он стоял на возвышенности, перед застывшим строем, давая унять заганному сердцу, ощущая непомерную чугунную тяжесть в ногах. Осматривал с захваченной высоты далёкий вечерний город, над коим дул сыристый огромный ветер, выхватывая из чёрных каньонов города: то артиллерийские гулы, то туманное угрюмое зарево. Воронеж горел с двух сторон, точно гривастые пожарища пробивались друг к другу через нагромождение каменных груд и развалин, и они принимались гореть, медленно-неохотно, накаляя сизо-стальной противень небосклона рубиново-красным цветом.

...В глубине расположения, укрытая обгорелыми брёвнами перекрытий обломками бетонных плит, пыхла батальонная кухня; оранжевый трепещущий отблеск огня слабо озарял колдобины и ямины в виде воронок, скученные группы солдат с походными котелками, в маятном ожидании долгожданной, горячей еды. Дымный аромат походной кухни вместе с дроглыми отсветами очага достигал позиций, дразнил пустые желудки, щимил души солдат, напоминая о доме.

– Рота, вольно! – после краткого доклада Петренко, распорядился Танкаев. – Сержант, накормить бойцов. Обсушитца, проверит оружие – боеприпасы, перекурит. На всю про всю – полчаса. Личному составу быть на чеку – готовым к бою.

– Так точно! – Петренко проворно крутнулся на каблуках, чётко скомандовал:

– Р-рота на леву-у! За мной шагом арш!

* * *

– Ну, а ты, что не со всеми, язви чертяку! Соляжкой прикажешь тебя заправлять иль бензином? Кха, скажи на милость, Клим Тимофеевич, железный он у нас, что ли? – комбат, подошедший с осанистым политруком Колесниковым, строго посмотрел в чёрные, с голубыми белками, удалённые в разрезе глаза Магомед.

– Да что-то не в коня корм, товарищ майор, – хищно усмехнулся капитан и, накипая серьёзностью спросил. – Что генерал Березин, товарищ майор? Будет резерв – поддержка? Связ есть?

– Налаживают покуда. Остальное... моё дело. Как говорится: «В поле много тропинок, только правда одна». Значитца так, капитан. Сейчас – к общему котлу. Бросишь себе кой-что на желудок. А потом, к Петру Григоричу – в лазарет, что под яром, на нашей стороне разбит... Сутки твои, а там поглядим...

– Э-э, зачём такое? – вспыхнул порохом Магомед. – Мы ж договари...

– Отставить! Тут не базар! Соблюдайте субординацию, капитан Танкаев. Вы, об этом доложите, когда вас спросят. Ты мне здоровый, в соку... Во-о, какой нужен! Видел, как хромой уткой, доковылял до штаба. Бледная тень, а не прежний орёл! Это приказ и кончено! У меня и так, вас командиров, меньше, чем пальцев на руке осталось. Выполнять!

– Есть, выполнять. – Магомед взвинчено бросил ладонь к козырьку, повернулся кругом, и через силу тщетно стараясь не припадать на левую ногу, заковылял на стук – молотью ложек и оживлённые возгласы повеселевших солдат.

... Люди в Ураде, отлично знавшие старого Танка, могли хоть на Коране поклясться: Магомед шёл, раздувая ноздри, дрожа в таком же возмущении, точь в точь, как и его отец, когда бывал в гневе. Оно и понятно. Птицы из одного гнезда. Одна горская, аварская текла в их жилах кровь. И до чудного были они схожи в этот момент.

– Однако, каков молодец! – с восхищением протянул Колесников. – Порох с огнём.

– Да уж, закалённый в огне булат, Клим Тимофеевич. На смерть стоит.

– Так к награде... К награде Танкаева! – настежь распахивая жаркую шинель, гремел восклицаниями Колесников. – Что ж ты, Арсений, кота за хвост тянешь?

– Не кипятись, политрук. Не, ты, один подмечаешь героев. Танкаев наградами не обижен. Всё по заслугам. За взятие высоты со своей ротой, за проявленное мужество-героизм, он уже представлен мною к ордену «Красной Звезды». А бойцы его, все, как один, – к медали «За отвагу»! На этом плацдарме, каждый достоин награды. Все мы тут... смертники – штрафники, политрук. Да-а...затащила нас судьба фронтовая...на чёртов пригорочек.

Но Колесников, пропустив мимо ушей последние слова комбата, воодушевлённо продолжил:

– Если не убьют, ей-ей, далеко пойдёт наш капитан.

– Этот не пойдёт, полетит, – крылья у него за спиной. Это – я тебе говорю, Клим. Эх, ему бы знаний побольше! Военную Академию штурмом взять...Доблестный командующий мог бы отлиться из этого горца. Много раз уже жизнь испытывала его на прочность, и не всегда можно было выстоять, скажу я тебе. Но он выстоял, всем смертям назло! Уж ты поверь, – в голосе комбата послышалась звонкая медь горделивого превосходства. = Есть в нём прекрасный сплав боевых и человеческих качеств. Редкий сплав. Скажи на милость, сколько знаю его...Танкаев жил и живёт лишь одним: выбить врага, да жизнь свою прожить с толком, не зря! Ну, хорош похвальбою искрить.

– Как бы ни сглазить, – с живостью подхватил Колесников.

– Вот, вот! Хорош. – Воронов одёрнул складки офицерского полушубка, поправил португую, поясной ремень, уверенно и твёрдо улыбнулся. – В штаб пора, Клим Тимофеевич. Пойдём-начнём, командиры нас ждут. Синельников! – крикнул он на ход ноги.

– Я-а!

– Что связь, паразиты?

– Готова, товарищ комбат! – победно выкрикнул Шурка Синельников. – Только – только наладили.

– Добро! Связь с комдивом Березиным мне. Быстро!

* * *

Пыхая папиросками, воровато ужатыми в горсть, они пошли вдоль высокого бруствера к блиндажу: комбат – широкий, как дверь, и политрук – прямой, как оглобля, снова застёгнутый на все пуговицы и крючки, ей-ей, чем-то похожий на зачехлённый, в ножнах палаш.

...Были уже у входа, как вдруг, чей-то звенящий тревогой голос, выкрикнул:

– товарищ комбат, гляньте!

Воронов замер, повернул широколобое, обветренное лицо на голос; из-за его плеча выглянул на окрик Колесников.

– Опять, ты-ы! В чём дело, Черёмушкин? – комбат спустил собак, раздражённо впился в хорошо знакомое лицо рядового. – Что на сей-раз? Что уставился, как родимец на попа?

– Да нет, же! На небо гляньте, товарищ комбат! – Черёмушкин заполошно вскинул руку.

Офицеры, вместе с оказавшимися поблизости стрелками, подняли взоры и...каждый, против воли, каков бы он ни был храбрец, ощутил, как его пробрала ледяная, сыпкая дрожь. Как натянулись поджилки и замозжало между зубов...А дыхание стало чаще.

По тёмной бугристой жести предночного неба, покуда бесшумно, точно стервятники, распластавшие крылья, хищно выпустив вперёд когтистые лапы-шасси, воздух резали бомбардировщики, четыре звена – по три машины в каждом.

Гнетущее состояние, сродни удушью в петле, усилилось, когда на бортах фюзеляжей, крыльях и вздыбленных хвостах, – зловеще замаячили жирные, бело-чёрные кресты и паучья свастика. И ту же секунду, чугунное небо, в оба конца, накалил тяжёлый гул моторов. А следом, со стороны солдатских котлов, где курилась сладким дымком полевая кухня, запоздало раздался истощный, хрипчатый крик старшины Рябова:

– Во-озду-ух! Лягай! Ляга-ай, ребята-ожь!!

Все ухнулись наземь, кто куда; забились – ужались, Зубами – дёснами целуя землю. Непрерывный, рокочущий гуд моторов Люфтваффе, всё гибельней нарастал, сводил с ума и вдруг, устрашающе взревел из-под крыльев «иерихонскими трубами», будто в коней хотел раздавить, закатать в мёрзлую твердь защитников высоты, наглядно показать кто в небе и на земле отныне новый хозяин и Властелин.

– Пулемёт давай! – в бешенстве орал сержант Петренко.

– Братцы, жги их гадов из автоматов!

Чёрт в костёр! Кто-то, тщательно целясь из трёхлинейки, стрелял из окопа. Кто-то неистово строчил на удачу из «дегтярёва», в бессильном отчаянье, опустошая плоский дисковый магазин на 47 патронов....

...От полевой кухни – рассыпался горох касок...Бойцы бежали к траншеям, зачем-то пригибаясь, будто под пулями снайперов. Под яром слышались лошадиное ржание – визг, команды и ругань.

...под общий психоз, бесцельно и глупо расстреляв диск ППШ, Арсений Иванович, сплюнул с досады и жутко выматерился, с ненавистью глядя на победно мерцавших чёрными крестами, рокочущих, стальных птиц. Из окопов продолжали стрелять пачками, грохали залпами, сеяли беспорядочной частухой выстрелов – напрасный труд.

– Твою в душу мать! – рычал в горячке комбат. – Э-эх обещала сука-кума...не пускать козла в огород! Обещала родная партия...бить своим оружием врага на его территории! Но, где на-аши...Хвалёные сталинские соколы?! Когда? Когда же мы-то, наконец, будем бить, эту фашистскую сволочь в гриву и в хвост! Язви вас всех, кремлёвских мечтателей...кипучих горлопанов! – кричал сердцем, не разжимая, в кровь искусанных, почерневших губ Воронов.

Между тем, боевые машины лётчиков Люфтваффе не снижались, не заходили на цель, словно ни в грош не ставили тех, кто подобно жалким муравьям, ползал и хоронился в окопах, под ними. Действительно, странное дело! Те, кто был за штурвалами, не меняли взятого курса, не нажимали кнопки пуска, гашёток стрельбы. Словно стая стервятников, выискивавшая добычу, они неудержимо летели к намеченной цели. Там, впереди за рекой Воронеж, тяжело гремели набитые пехотой составы. Там, за позициями 472-го стрелкового полка комдива Березина, лязгали – скрежетали железом тысячетонные эшелоны с боеприпасами, бронетехникой, – узловой станции «Анна». И туда, на восток, к железнодорожному узлу, в ревущих вихрях винтов и стремнинах воздуха, уносились машины, звено за звеном, под крыльями и в чреве которых, таилась беспощадная смерть.

* * *

Нет, это были не «мессеры», как наугад, по незнанию, ляпнул политрук Колесников. Это были знаменитые «юнкерсы» – пикирующие бомбардировщики – Ju 87 Stuka, – удача в воздухе для которых с начала войны, покуда ещё не отвернулась ни разу. Судьба Junkers Ju 87 Stuka, равно, как и судьба других самых легендарных немецких самолётов Второй мировой войны: Messerschmitt BF 109, Fokke-Wulf FW 200 Condor, Henkel He 162 Salamandra, Hs 126, – отражает, как в зеркале, судьбу Люфтваффе. Все началось триумфальным господством в небе всех стран на первом этапе мировой войны; продолжалось тяжёлой борьбой с набиравшими силу противниками и закончилось потерей боеспособности, воспроизводства, разгромом и катастрофой.

Но пока, на советско-германском фронте, для воздушных сил Вермахта был «золотой век». Для успеха немецкого командования, также, как и в воздушной операции, против Великобритании, под кодовым названием «Адлерангриф» (Adlerangriff) – требовалось завоевать господство в воздухе. И на этом этапе Третий Рейх во главе с фюрером, – мог быть спокойным. Оно, господство, – полное и, как ошибочно казалось, нацистской Германии, окончательное, – было достигнуто. Штурмовики, истребители Люфтваффе в ту «Эпоху величия», в пух, и прах били американцев и англичан в воздухе. Беспощадно и методично атаковали корабли

альянса, за что британский премьер – министр Черчилль с тяжёлым сердцем вынужден был назвать немецких ассов – «Несчастьем Атлантики», а янки «Исчадием Ада».

Операция «Барбаросса», разработанная гитлеровским командованием для нападения на Советский Союз, началась 22 июня 1941 года. Восемь групп пикирующих бомбардировщиков Ju 87, в каждой из которых насчитывалось 334 самолёта, были готовы поддержать вторжение.

Об атакующей мощи этих боевых машин свидетельствует, в частности, рапорт командования 2-го воздушного флота, представленный им 2 октября 1941 года. Тогда пикирующие бомбардировщики совершили 58 боевых налётов на цели, передвигавшиеся по железной дороге, 202 вылета для поддержки танкового наступления под Брянском и 162 вылета для поддержки наземных соединений, наступавших на Вязьму.

Как известно, железная машина Вермахта нанесла сокрушительный удар. В ходе немецкого наступления были смяты – разбомблены расположенные вдоль границы аэродромы, соединения Красной Армии; советские ВВС понесли огромные потери, после чего танковые дивизии Вермахта вышли на оперативный простор. Только за первые несколько недель военной кампании Красная Армия потеряла миллионы солдат убитыми и пленными, но продолжала упорно сражаться и в результате, особенно после битвы за Москву, сорвала грандиозные планы Адольфа Гитлера и его приспешников. Во всём мире считавшийся непобедимый Вермахт был остановлен на подступах к Москве, а затем отброшен назад в ходе контрнаступления наших войск, которое поставило немецкую армию в тяжкое положение.

* * *

– Вот паскуды! Гляди, Арсений Иванович, как у себя дома шуруют фрицы! – в сердцах крикнул политрук, не отрывая ладони от левого, забитого грязью, глаза. – На нас – ноль внимания. Презирают суки крестовые... Ровно мы для них вши, тли подлистные.

– А мы... для них и есть, Клим Тимофеевич... – через отдышку сплюнул комбат, – жуки навозные, что-то вроде мокриц. Вот, как эта слякоть, под нашими сапогами. Доктрина у них, изуверов, такая. Славяне, евреи, цыгане – для них не люди! Одни должны быть уничтожены, другие – рабами стать. Словом, дерьмо.

– А то не жирно? – вкось улыбнулся политрук, с вспыхнувшей ненавистью глядя во след маленьким блестящим точкам, исчезающих бомбардировщиков.

– Вот и я говорю, – майор Воронов нервно и зло хохотнул, и в этом жестком, как обрубок колючей проволоки, смешке в нём на мгновение проснулся хищный зверь. – Ну, погодите, дайте срок... Наш штык ещё отведаёт вволю вашего «арийского» мяса и крови... Ещё увидим: кто герой, а кто говно.

Но вот, едва умолк голос комбата, как немая чугунная тьма за рекой вспыхнула раскалённым гранатом. Небо задрожало в багрово-оранжевых всполохах. Высвеченный обугленный окаём туч, закачался на волнистых дымах, озаряя шафрановым мертвенным светом далёкий пепельный горизонт, в котором мерцали слабые красные трассеры, белые и золотые пунктиры, откликнувшись, на ночной налёт вражеской авиации, наших зениток. Чуть погодя, до слуха ошеломлённых защитников высоты долетела звуковая волна взорванных авиабомб и заградительных залпов артиллерии.

Однако, не успели они перевести дух, как отчаянье вновь нанесло удар по их перекрученным нервам, затянув на горле петлю до отказа. Комбат вдруг почувствовал, как зноем наливаются его рот, а кровь шибанувшая в виски. Стремительно откатилась к сердцу.

...Ниже по течению, в семи-восьми верстах, за Шиловским лесом тяжело ахнуло орудие. Далеко-близко растаял охнувший гул и, перекачываясь, пополз по чёрной воде. А следом, наливаясь слепой яростью грянул на разные голоса бой.

Политрук метнул накалённый взгляд на комбата. Его крупное лицо было собранным, твёрдым, как крепко сжатый, готовый к драке, кулак. Оба знали от начальника полковой разведки Ледвига: там, в излучине реки, между Чижовкой и Шилово – закрепилась бригада май-

ора Дрёмова. Бригада эта двумя днями ранее, под шквальным огнём тоже форсировала реку и в ожесточённом бою захватила небольшой плацдарм, закрепились на достигнутом рубеже и теперь, так же, как и они, остервенело ждали помощи.

– Ба-та-ль-оо-он! К бою!

Глава 5

– Слушаю вас «1-й»! – Комдив Березин припал к тёмно-коричневой рубке телефонного аппарата. Вновь повторилб – «1-ый», «1-ый»! Я «Ветер». Слушаю вас! – Его впалая щека, помеченная старым, ещё с финской войны шрамом, замерла в напряжении.

В наступившей, потрескивающей паузе, Березин смотрел на трепет секундной стрелки своих командирских часов, она напоминала тонкую чёрную ресницу. И когда она, лёгкая – быстрая, как цыганка в танце, обежала полкруга, он, предчувствуя недоброе, глубоко вздохнул, как перед прыжком в ледяную прорубь. Но трубка упорно продолжала молчать. И он слушал, похожее на шкворчание яичницы, потрескивание трубки, куда пытались залететь зовы о помощи, приказы на поражение целей, хитрые коды разведчиков в талых снегах Воронежского фронта, наставления и обмен данными генералов, горячие перепалки полевых командиров. В этих потрескиваниях где-то затерялся и пробивался, тщаь выйти на связь голос командующего 40-й армии генерал-лейтенанта Попова. Голос, который, в эту минуту, поглотило грохочущее чёрное пространство, – дикое и жестокое, в коем, неслышные миру, неслись позывные артиллерийских батарей, ночных бомбардировщиков, армейских штабов и войсковых соединений.

Ещё недавно, пустое пространство наступившей ночи, теперь прочерчивалось прямыми лучами слепящих прожекторов, дугами – пунктирами и плазменными далёкими всполохами, словно по вражескому берегу, на юго-восток, к Дону, катилось и грохотало гигантское чёртово колесо, торило кремнистую, мёрзлую землю, высекая из неё своим стальным ободом искры. Он снова бросил напряжённый взгляд в мигавшее огнями окно... Весь изжаленный ожиданием, шевелил тусклым золотом погон, звенькал орденами – медалями, и его сосредоточенное лицо было будто в красных и жёлтых ожогах, среди которых мерцал и пульсировал на щеке бурый рубец, точно шов от электросварки.

...Во дворе хлопнула калитка. На цепи остервенело забрехала собака. В полутёмном коридоре камнями загремели торопливые шаги. Голос замком полка вспугнул, сорвал с мест связистов и писарей.

– Комдив у себя?

– Так точно. На месте, товарищ подполковник. Он занят...

– ? – замком грозно нахмурил брови.

– 1-ый на связи...

В дверях нарисовалось усатое лицо Грачёва, посечённое ветрами военных дорог, опалённое порохом, – в воспалённых глазах тревога.

– Ну, что там, Степан Егорович? – Березин, не отрывая трубку от уха, зажал ладонью нижнюю мембрану. – Как плацдарм? Связь с батальонами есть? Немец пошёл в наступление?

– Никак нет, товарищ комдив. В том-то и заковыка, мать её в трещину... На нашем секторе – тихо. Подозрительно тихо. Ровно, чёрт ворожит.

– Вот это... мне и не нравится. Шут-то дери наши чубы. Как пить дать, что-то задумал фашист. Но что-о? Это и полковой разведке не дано знать. – Зато вон, у майора Дрёмова в бригаде весело... – мрачно усмехнулся Грачёв. Немец собачит миномётным огнём, мать не горой. Кабы танки, после не двинул.

– 1-ый, 1-ый! – вдруг встрепенулся комдив, послав упредительный знак своему заместителю, что бы тот задержался. – Я «Ветер» не слышу вас! – Он снова зажал ладонью трубку. – Дерьмо, а не связь... Одни помехи в эфире! Слушай сюда, Степан Егорович, – Березин прислушиваясь к канонаде, обогнул, на привязи телефонного провода, стол. – Ты у меня, – каждой бреши гвоздь. Всем заставам – боевая готовность. Срочно!

– Уже поднял в ружьё!

– Ай, молодца. Лично свяжись с комбатареи! Пусть капитан Порабудько будет готов в любой момент прикрыть на плацдарме артогнём воронова и Танкаева. Благо его 152- миллиметровые «хлопухи» могут позволить себе такую «петруху». Угостим фрица чин по чину. И связь! Связь мне, дорогой Егорыч, с плацдармом! Не тебе объяснять...Необходима корректировка массивованного заградительного артогна. Мы не имеем права, бросить на произвол судьбы – наших ребят.

– О чём разговор! – возмущённо сверкнул глазами Грачёв. – Понял тебя Семён Петрович, не подведу. – Уже скрываясь за дверью, он бросил к фуражке горбатую ладонь.

...За последние три дня беспрестанных переходов, марш-бросков, боёв и ранения, Магомед вымотался, как конь, сделавший непосильный пробег. От бессонных ночей, жестокого напряжения тёмная кожа его осунувшегося лица отливала синевою, из ввалившихся глазниц на мир устало и зло глядели чёрные, сухие глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.